

Издательский центр «Милицейский вестник», г. Арсеньев Приморского края

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

www.Litmeridian.ru

Основан 15 января 2008 года

Культурно-просветительское художественное издание

№ 2 (40)/2011
ФЕВРАЛЬ

Евгений ВЕСНИК

с. 3

Медный всадник, г. Санкт-Петербург. Фото Владимира ТЫЦКИХ

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.
Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.
Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.
Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.
Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объём издания – 5 печатных листов.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику
и фактически 10 февраля в 8-00.

Отпечатано в ОАО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Февраль 2011 года

№ 2 (40)

- с. 2. **Колонка редактора.** В. Костылев
- с. 3. **Маэстро.** Евгений ВЕСНИК
- с. 5. **Боевое братство.** Василий САМОТОХИН
- с. 7. **Морские просторы.** Юрий ПАНЧЕНКО
- с. 9. **Проза.** Лидия СЫЧЁВА
- с. 13. **Проза.** Ирина ШУКЛИНА
- с. 14. **Радуга милосердия.** Ирина КИРЕЕВА
- с. 16. **Поэзия.** Алёна МИРОНОВА
- с. 17. **Поэзия.** Вера АКСЁНОВА
- с. 18. **Поэзия.** Евгений ЧЕКАНОВ
- с. 19. **Поэзия.** Валерий КУЛЕШОВ
- с. 20. **Родной глагол.** Валентин РАСПУТИН
- с. 22. **Поэзия.** Марина ЗАЙЦЕВА
- с. 23. **Поэзия.** Олег МАТВЕЕВ
- с. 24. **Поэзия.** Геннадий БОГДАНОВ
- с. 25. **Поэзия.** Вера ГУНДАРЕВА
- с. 26. **Пристальный взгляд.** Вита ШАФРОНСКАЯ
- с. 29. **Проза.** Дэв СИРАН
- с. 30. **Проза.** Виктор ВЛАСОВ
- с. 32. **Письмо в редакцию.** Тамара КРЫЛОВА
- с. 36. **Проза.** Владимир ЛЮКОВ
- с. 37. **Проза.** Григорий РЕЙНГОЛЬД
- с. 38. **Проза.** Владислав ГУСАРОВ
- с. 40. **Официально.**

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

День, действительно, добрый: казалось бы, совсем недавно сотрудники редколлегии готовили к печати первый номер издания, а вот, пожалуйста, дорогие читатели, вы держите в руках сороковой номер! Три года мы работаем для вас, а вы терпите нас и даже благодарите.

Не стану утомлять вас перечислением всевозможных трудностей, сопровождавших тиражирование каждого из номеров. Сегодня мне хочется горячо поблагодарить тех наших авторов и читателей, кто поддерживает «Литературный меридиан» с момента его рождения и по сию пору: Анастасию Карраваеву, Сергея Назаренко, Виктора Дебелова из г. Арсеньева; Сергея Юдинцева, Александра Егорова, Светлану Шкляеву, Светлану Маликову из г. Владивостока, Татьяну Овчинникову из г. Уссурийска, Людмилу Берестову из г. Лесозаводска, Лену Акимову из г. Партизанска, Татьяну Власову из г. Шадринска, Олега Манзанова из с. Архиповка, Нину Полуполтинных из г. Артёма, Светлану Мащенко из п. Приозерный.

О сотрудниках редакции и членах Общественного совета я умалчиваю умышленно: моя признательность этим дорогим людям – предмет отдельного разговора.

Искренне рад я заочному знакомству с Русланой Ляшевой из Москвы, Жанной Райгородской из Иркутска, Владимиром Монаховым из Братска, Николаем Зиновьевым из г. Кореновска, Борисом Дубровским из п. Углекаменск, Иваном Шепетой из Владивостока...

Спасибо всем – названным и многим неназванным!

В февральском номере «Литмеридиана» вы прочтаете короткие рассказы о Великой Отечественной войне Евгения Весника, статью Василия Самохина, написанную к годовщине вывода советских войск из Афганистана. Рассказ Виктора Панченко о непростых буднях моряка представлен в рубрике «Морские просторы». Проза февральского номера особенно разнообразна – вы познакомитесь с героями рассказа Лидии Сычевой «Иней», прозаической миниатюры Ирины Шуклиной. Повествование Ирины Киреевой под рубрикой «Радуга милосердия» вряд ли оставит вас равнодушными. В материале под рубрикой «Пристальный взгляд» своими размышлениями с вами поделится Вита Шафронская. Заслуживают внимания рассказы Дэва Сирана, Виктора Власова, Владимира Люкова, Григория Рейнгольда, Виктора Гусарова; письмо в редакцию Тамары Крыловой. Поэзия февральского номера представлена замечательными стихами Алёны Мироновой, Веры Аксёновой, Евгения Чеканова, Валерия Кулешова, Марины Зайцевой, Олега Матвеева, Геннадия Богданова, Веры Гундаревой.

Центральный разворот «Литмеридиана» № 40 венчает интервью, взятое у Валентина Распутина.

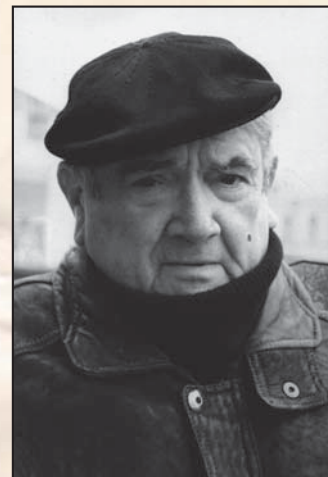
Приятного чтения!

Владимир Костылев

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

Евгений ВЕСНИК

НА ФРОНТЕ

Я ушел на войну романтически настроенным юнцом, фантазёром. Воевать даже нравилось... когда наступали, и не очень, когда отступали. Когда, например, разрушали своими орудиями вражеские коммуникации или часть сопротивлявшегося населённого пункта, да ещё получали награды за это, то, конечно, чувствовали себя «орлами», Чапаевыми и Петьками...

Но, вернувшись с войны, я осознал своё, хочешь не хочешь, причастие к человекоубийству, случайность того, что сам остался в живых; понял, сколь трагична и никчёмна бывает суэта человеческая, но в то же время – насколько могуче человеческое единство во имя любой цели! Любой! Мы воевали за как бы неперемный, уже осязаемый рай. Но рай нет! Есть что-то сатанински «разъединительное», нет ничего «объединяющего». Есть лабиринты самоуверенности! И нет – Примера! Высокого!

Когда вспоминаю войну – вспоминаю добрых, смелых, душевно красивых людей; вспоминаю всё, что связано с юмором, дружбой, взаимовыручкой, добром, любовью... Как ни странно, самое смешное случалось и придумывалось в самые опасные для жизни мгновения.

Каюсь! Был грех – ударил человека за невыполнение приказа. По моему приказу он должен был взвалить на себя катушку с телефонным проводом и под обстрелом, стоя на подножке едущей автомашины «Додж», стравливать «нитку» до тех пор, пока машина может продвигаться по бездорожью. Затем ползком или бегом дотянуть «нитку» связи до окопов и, подключив её к аппаратуре, обеспечить тем самым мою связь с командиром стрелковой части для корректировки огня моих 152-миллиметровых пушек-гаубиц.

Времени для выполнения приказа давалось 20 минут. Они проходят – связи нет. Проходят 25 минут. Отсутствие связи могло выглядеть как моя нерасторопность, что влекло за собой весьма неприятные последствия. Состояние взвинченное, кругом разрывы снарядов. Одним словом, «жарко». Вскикиваю в свой «виллис», еду по «нитке» и наталкиваюсь на сидящего под деревом, трясущегося от страха моего связиста.

– Ты что же делаешь, такой-сякой? Хочешь, чтобы меня расстреляли? Батарея не знает, куда стрелять! Почему сидишь здесь?

– Живот заболел, схватило. Не могу идти, – отвечает.

Взбешенный, выхватил пистолет, но сдержал себя, только ударил.

Сам дотянул провод. Всё наладилось. Но замполит полка, который невзлюбил меня за умение дружить с солдатами, решил за рукоприкладство предать меня офицерскому суду. Такие суды в случае доказанности вины для офицера кончались разжалованием в рядовые и отправкой в штрафную роту. А штрафная рота – это минимум шансов остаться в живых!

Что делать? Дозвониться до комбрига по своей связи никак не могу. Решаюсь и звоню подполковнику Якимюку – заместителю по политической части дивизии. Всё коротко рассказываю. Приказывает: ночью прибыть к нему вместе с замполитом полка.

– Шо вин зробыв?

– Ударил солдата. Рукоприкладство, товарищ гвардии подполковник. Недопустимо.

– Так. А шо зробыв солдат?

– Он не выполнил приказа командира. Но всё-таки это рукоприкладство.

– Добрэ. Значит, лейтенант Весник ударил солдата. И вы его, значит, решили судить. Так, товарищ капитан? А шо написано в уставе по поводу невыполнения приказа командира в боевой обстановке?

– Расстрел на месте.

– Так. А шо зробыв лейтенант Весник?

– Ударил солдата.

– Давайте ещё разок. Значит, шо зробыв лейтенант?

– Он ударил солдата.

– А шо вин должен был зробить по уставу за нэвыполнение боевого приказа?

– Расстрелять на месте.

– Так. Давайте, значит, у третий раз: шо зробыв Весник?

– Ударил...

– А шо должен был зробыть?
– Расстрелять.
– Значит, так. Вам, товарищ капитан, объявляю выговор за неправильную трактовку устава воинской службы, а гвардии лейтенанту Веснику объявляю благодарность за сохранение жизни боевой единицы в лице солдата Красной Армии. Вы свободны, товарищ капитан!

ПОРТРЕТ!

А первые фронтовые шаги – форсирование реки Свирь! Мы на одном берегу, финны – на другом. Видим друг друга в бинокли, а иной раз и без них. Когда бой – никто не знает.

Командование договаривается с противником, и мы на «недельном курорте»! Именно так мы называли неделю перед форсированием реки – «курортная неделя». С согласия противоположной стороны мы выходили на берег и с 6 до 7 утра мылись, проводили физзарядку под музыку, звучащую из репродукторов, играли в футбол и волейбол. Курорт.

То же самое делали финны с 7 до 8 утра.

Райская неделя кончилась. И рано-рано утром – два часа непрерывного артиллерийского огня и авиационной бомбардировки. Раскалившиеся стволы орудий, гул сотен самолётов, непрерывные команды «Огонь!», «Огонь!». Смерчи разрывов на том берегу, языки пламени «катюш».

В этом давящем, принижаящем тебя разгуле машинерии, как нигде в другой обстановке, чувствуешь себя козявочкой. Чуть побольше, когда идёшь вперёд на врага, и совсем маленькой козявочкой, когда драпаешь назад. Мне кажется, много говорящие о войне, о героизме не были в настоящих переделках. Только нюхнувшие запах беспощадной войны говорят мало, они не хотят даже вспоминать войну или говорить о её возникновении вновь. Поэтому, собравшись на встречу, настоящие фронтовики предпочитают вспоминать смешное, несуразное, вспоминать любимых женщин, петь песни и плакать, помяная убитых друзей.

Поэтому истинные фронтовики ищут возможностей быть полезными обществу и семье, заниматься делом, стараются быть примером детям и внукам. Они многое хотят делать и делают. Но не орут, как те, не прошедшие настоящего пекла, что могут в полупьяном состоянии выйти с хулиганскими плакатами в руках – за бутылку водки или за 100 рублей, на любую площадь, по любому поводу, в любой день и орать. Плакат и лозунг не съешь. Недаром говорят, что хлеб всем открывает рот; от себя добавлю: а отсутствие хлеба развязывает язык. Но язык не сеет!

Я отвлёкся. И так, не встречая никакого сопротивления (на нашем участке), мы навели понтонный мост, переправили людей, пушки и обнаружили... только одного убитого солдата. И это после такой артиллерийской и авиационной подготовки! Поче-

му финны ушли, куда ушли, как узнали о начале наступления? Неизвестно.

1945 год. Восточная Пруссия.

...Необходимо было узнать расположение немецкой танковой дивизии. Нужен был «язык».

Еду на «виллисе» к наблюдательному пункту командира дивизии и вдруг вижу, как с подбитого немецкого самолёта на парашюте спускается лётчик. Определить место его приземления было трудно, но вместе с водителем мы пробрались через канавы, кустарники и развалины до немца. При нём был только пистолет. Вести прицельный огонь ему было нелегко – расстояние, нервы, ветер, неотцепленный парашют. Несколько пуль прошли мимо меня. Остальное, как говорят, было делом техники. Через несколько минут рыжеватый молодой человек сидел рядом со мной в машине. Я владею немецким языком в достаточной степени, чтобы объяснить человеку, что при хорошем поведении ему будет сохранена жизнь.

Привёз его на наблюдательный пункт и при генерале начал допрос. Показываю на карту, спрашиваю, где находится пятая танковая дивизия. Лётчик молчит.

– Ну-ка, напугай его пистолетом, – говорит генерал.

Я вытащил наган, наставил ему в лицо. Взвёл курок, но немец вместо того, чтобы испугаться, улыбаясь, засвистел. Да так, что я и сейчас могу воспроизвести эту мелодию. На меня это произвело колоссальное впечатление! Он долго мне снился. Ас!

Но при лётчике была оперативная карта, и разобраться, где находится пятая танковая, специалистам оказалось несложно. Через час огонь наших орудий уже сокращал расположение немецких танков. За этого лётчика-«языка» я получил свою первую награду – медаль «За отвагу». А ведь мог и проехать мимо.

Портрет: на груди медаль «За отвагу» и гвардейский значок.

Второй «язык» и вторая медаль «За отвагу».

Однажды командир бригады полков А.Ф. Синицын и я, пользуясь нашими неточными картами местности, забрались чуть ли не в расположение немцев. Случилось так, что у меня было небольшое отравление и мне понадобилось... выйти из машины. Укрылся в кустах над балкой, и вдруг на дне балки появляется немец с автоматом. За ним несколько солдат без оружия, без ремней. Я понял, что ведут немецких «гауптвахтников». Проходят по дну балки и скрываются за поворотом... Идущий последним решил задержаться. Пи-пи! Я, не застегнув как следует штанов, тихонько свистнул. Немец повернулся... Я пистолетом показал ему, чтобы он, дескать, шёл ко мне. Немец поднял руки и поднялся ко мне... Я под дулом довёл его до машины. Довезли его до штаба, и оказался он очень полезным языком!

Портрет: на груди две медали «За отвагу» и гвардейский значок!

РИСК ДЛЯ ЖИЗНИ КАК УСЛОВИЕ СЛУЖБЫ

Василий САМОТОХИН,
г. Санкт-Петербург

Фото Эдуарда ДУБРЫ

Сергей Угловский

Солдат войну не выбирает. Когда 25 лет назад Сергею Угловскому, свежеспечённому лейтенанту-пограничнику, предложили должность заместителя начальника заставы мотоманёвренной группы Пянджского пограничного отряда, он ответил коротко: «Есть!».

... Кун д у с к а я провинция, Имам-Сахибское улусовольство, город Имам-Сахиб. Сергею,

который вырос в Приморье, в этих местах всё сначала казалось необычным: незыблемый общинно-религиозный уклад, дехкане, погоняющие коз, глинобитные дома, навьюченные тюками верблюды. И — дороги, начинённые фугасами, да душманы, укрывшиеся в кяризах.

С первых же минут Угловский понял: культпохода по афганской земле не получится. А вот пулю, выпущенную метким стрелком из бура, поймаешь вмиг, если не выстрелишь первым. Буквально накануне в этих местах погиб боевой офицер. Из засады раздался всего один выстрел — и нет человека.

...Перед первым его боевым выходом начальник ММГ проинструктировал, как нужно действовать ему и его подчинённым в критической ситуации. Но моджахеды во время рейда не обнаружили, в расположение части возвратились живыми и невредимыми. А уже на следующий раз колонну обстреляли, по Угловскому били из ППШ и, если бы не сержант, который одним прыжком сбил его с ног, лежать бы лейтенанту в земле вечно. Такое «крещение» век не забудется!

Как не забудется боевой выход, который было приказано совершить в кратчайшие сроки. Семь километров до кишлака БМП с десантниками шли десять часов. Пограничники передвигались, сбивая засады. Рядом с дорогой доты, оборудованные по всем правилам инженерной науки, и из каждого стреляют

«духи». Приказ звучит коротко: «К бою!». Наводчики-операторы боевых машин огнём из пушек взламывают опорные пункты душманов. Командуя подчинёнными, лейтенант Угловский сам «гасит» огневые точки бандитов. А стрельба всё не утихает. Пушки БМП бьют по дотам, откуда лупят «духи». Не давать им стрелять прицельно, выиграть драгоценные минуты для того, чтобы быстрее пройти опасные участки! Это кажется невероятным, но тот боевой выход был без потерь. Пограничники дошли до населённого пункта и выполнили поставленную задачу.

Не счесть прочёсываний, рейдов, засад и других заданий, что поручались заставе ММГ, где служил Угловский. Сколько раз он с боевыми товарищами сопровождал колонны с продовольствием, боеприпасами, топливом! И дороги приходилось разминировать, и атаки душманов отражать. Ставили как-то блокпосты по маршруту Шерхан — Имам-Сахиб. Местность, что охранял часовой, в ночной темени, казалось, не просматривалась. Но стоило тому оказаться под лунным светом, как из кишлака, что находился в километре от наших позиций, раздался выстрел. Боец ещё не успел упасть, а уже был мёртв: пуля прошла насквозь.

До сих пор помнит Угловский, как шли колонной до Тулукана. В этих местах хозяйничали «духи». В 1986 году они сожгли здесь двадцать армейских автомобилей. Машины горели как свечи. Душманы безжалостно добивали очередями контуженных солдат. Кумулятивные гранаты прошивали борта, начиная внутренности машин дымом и бушующим огнём. А пограничники прошли без единого выстрела.

Затем выполняли задачу на участке Московского пограничного отряда в районе кишлака Куль. Дважды попадали под обстрел, но обошлось без жертв. И всё это время офицеры учили подчинённых передвигаться, ориентироваться на местности, действовать в засадах, вести бой на ходу и многому другому. До автоматизма оттачивали каждый шаг, манёвр, движение.

Помогали местным жителям, которые обращались с просьбами. Однажды «духи» перекрыли арыки, и город остался без воды. Пограничники в течение трёх суток пытались открыть арыки, но моджахеды всячески препятствовали, обстреливая их. Только на третьей сутки удалось. В город пошла вода, афганцы радовались и благодарили пограничников.

А в марте 1987 года душманы обстреляли советскую территорию в районе Пянджа. Было принято решение

дать такой отпор, чтобы тем неповадно было. Заблокировали свыше тысячи бандитов, а перед личным составом ММГ поставили задачу никого не впускать и не выпускать из этого района. Попытались моджахеды прорваться, но не тут-то было. Лейтенант Угловский занял со своим подразделением выгодную позицию, грамотно организовал систему огня, и пограничники уничтожили две огневые точки противника. Бандиты понесли значительные потери и вынуждены были отступить. За храбрость и самоотверженность, проявленные при выполнении специального задания, лейтенант Угловский был награждён медалью «За боевые заслуги».

Спустя некоторое время его ММГ попала в засаду. На пограничников обрушился свинцовый град. Только кто-то из бойцов даст короткую очередь – «духи» мгновенно сыплют пулями в его сторону. Граната, выпущенная по БМП, на которой находился Угловский, разорвалась прямо над головами пограничников. Наводчик-оператор получил тяжёлую контузию, лейтенант Угловский на какое-то время потерял сознание, а придя в себя, понял, что оглох. Через несколько секунд рядом разорвалась вторая граната.

После госпиталя в Душанбе снова — в боевой строй. И ещё одна контузия.

Два с половиной года Сергей Угловский воевал в Афганистане. Награждён орденом Красной Звезды. Но оказалось, что с возвращением «из-за речки» война для него не закончилась. Новым местом службы офицера стал Таджикистан. Условие прежнее: риск для жизни.

В ходе проведения боевой операции в ноябре 1993 года на участке двенадцатой пограничной заставы Московского пограничного отряда майор Сергей Угловский проявил себя как мужественный и решительный командир. Умело руководя действиями РБГ, осуществил быстрый захват господствующих высот и уничтожил огневую точку бандитов. В ходе боя были обнаружены и ликвидированы схроны и стоянка диверсионно-разведывательной группы противника.

Активные и решительные действия РБГ под командованием майора Угловского вынудили основные силы противника отойти в горы, тем самым было обеспечено фланговое прикрытие другой РБГ, её подъём по сложному маршруту на Тург, быстрый захват без потерь и закрепление занятых позиций. Чёткая организация действий РБГ, грамотное руководство личным составом, способность быстро принимать правильные решения в сложной боевой обстановке помогли избежать потерь среди личного состава. За героизм и личное мужество, проявленные при исполнении воинского долга, майор Угловский награждён орденом «За личное мужество».

Сергей Владимирович, тем не менее, уверен — не в наградах дело.

— Наверное, я просто не подвёл тех, кто пошёл за мной, — говорит он. — Для меня главное, чтобы люди мне доверяли.

О своих солдатах, с которыми воевал в Афганистане, начальник отряда пограничного контроля «Владивосток» полковник Сергей Угловский вспоминает

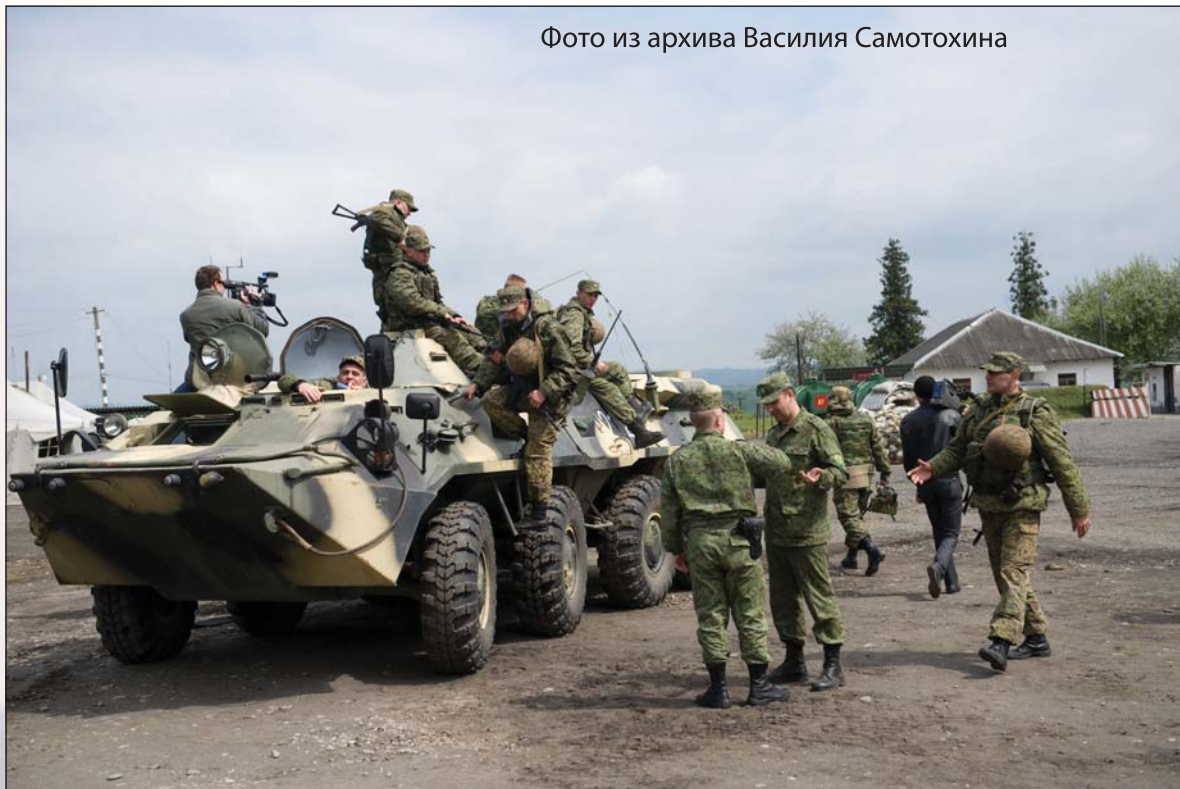

Фото из архива Василия Самохина

с особым чувством: «Это они вынесли на себе всю тяжесть войны в Афганистане, во время боевых действий в Таджикистане. И никогда не падали духом, помогали товарищам, спасали друг друга — как тот сержант меня».

Сомневаться не приходится: пограничники за таким командиром — как за каменной стеной.

*Кто видел, как плачут от горя мужчины —
Без стонов и слёз,
Поймёт, как достались нам наши седины
И третий наш тост...*

НИГЕРИЙСКИЙ ПОРТ КАЛАБАР (CALABAR)

Юрий ПАНЧЕНКО,
г. Владивосток

Во время работы на рефрижераторе «PACKER» компании «SEATRADE» в ноябре-декабре 2001 года при выполнении балластного перехода за грузом цитрусовых из порта Кейптаун имели попутную загрузку подержанными автомобилями из порта Антверпен на нигерийский порт Калабар.

В порту Антверпен 19 ноября был погружен 501 автомобиль у причала №361 «Vijfde Evronatie» береговыми кранами. Состояние машин, погрузка которых производилась довольно небрежно, было, мягко говоря, очень плохое, если сравнивать их с автомобилями, которые ввозятся в дальневосточные порты из Японии; 450 автомашин было погружено в трюмные помещения и 51 автомобиль был размещен на люковых закрытиях трюмов.

Фрахтователи, они же «отправители», компания MKI Lines оплатили ставку «Люмпсум» по 17 ам. долларов за один кв. метр площади трюмов, что составило 76279 долларов, эта сумма практически окупила наш балластный переход, стоимость рефрижератора в сутки была около 8000 ам. долларов.

Отошли в рейс в полночь 20 ноября; в 07.30 лоцман покинул борт судна на лоцманской станции WANDELAAR, траверз порта Дувр прошли в 10.30, переход до устья реки Калабар, район Fairway buoy, 4532 мили составил 244 часа при хороших погодных условиях, даже в Бискайском заливе был ветер около 3-х метров в секунду и волнение не более одного метра, скорость на переходе составила 18,6 узла, ветры и течение были попутными.

Новый порт Калабар расположен в 84 километрах от входного буя, старый порт – в 74 километрах, судходный фарватер реки Калабар подвержен наносам песка, большинство буёв находилось не на штатном месте, как указано на адмиралтейских картах №3433 и № 3443; нам очень помогли рекомендации капитана гидрографического судна «MARINE ENDEVOUR», который был на фарватере в районе нефтяных платформ. Была хорошая видимость, приняли решение следовать малым ходом; согласно материалам лоции, касание песчаного грунта на фарватере является обычным явлением, но несмотря на принятые меры, в районе буя № 9 присели носовой частью на грунт, уже шел прилив, откатали 20 тонн балласта из форпика и задним ходом снялись с отмели, приняли в форпик полный балласт, сделали осадку носом 5,9 метра и 6,30 метра кормой, продолжили плавание на

внутреннюю якорную стоянку для приёма лоцмана, буи на фарватере старые, некоторые из них без номеров и не освещены, поэтому плавание по фарватеру осуществляется только в светлое время суток, при хорошей видимости.

Проходная глубина на фарватере, согласно рекомендациям лоции и карте, составляла 7,5 метра, однако, по некоторым донесениям капитанов, были случаи касания грунта судами с осадкой 6,0 метра.

На якорную стоянку у остова PARROT в районе буя № 24 подошли в 18.20 30 ноября, отдали 4 смычки якорного каната на глубине 7,5 метра для ожидания прибытия лоцмана, вокруг было много негритянских пирогов, были заняты ловом рыбы сетями. Учитывая 100% возможность воровства, усилили ночную вахту, задраили все двери, выходящие на палубу, ночью лодки были близко у борта, но при виде вахтенных отошли в темноту.

Связь с портовыми властями только на 16 канале УКВ и только в дневное время, вся переписка – через агентов «SUPERMARITIME» в порту HARCOURT, но связь по телефону в порту LAGOS, где был основной офис агентов, была самой надёжной, и это было гарантией, что вся моя информация была получена и доведена до сведения портовых властей и получателей.

Ранее, в 1996 и 1997 годах, в порту ЛАГОС мне пришлось познать специфические нигерийские обычаи и нравы: если ты приехал в Нигерию, то уже виноват, но если ты ещё и белый, то виноват дважды.

Хотя Нигерия формально входит в Британское содружество, но в порты этой страны не заходят суда под флагом Великобритании и США.

В 07.15 01 декабря прибыл лоцман на лодке с подвесным мотором, в 10.25 ошвартовались правым бортом к причалу № 2, помогал небольшой буксир; общая длина причальной линии нового порта 860 метров, может быть ошвартовано до пяти судов длиной 150 метров, расстояние между швартовными пушками составляет 30 метров, причалы оснащены резиновыми кранцами, есть и береговые краны, но они при выгрузке судов давно не используются и уже давно не перемещаются. Глубина у причалов девять метров, имеется несколько складов, порт построен в 1980 году.

На оформлении прихода было 17 человек: три врача, четыре таможенника, четыре иммиграционных офицера, два агента, четыре чиновника из службы

портового контроля. Вся процедура оформления заняла около трёх часов; на представительские цели им было отдано: 17 ящиков coca-cola, 8 ящиков пива Bavaria, 8 блоков сигарет «LM», 4 бутылки сухого вина.

По правилам порта, на борту у трапа стояли два вачмана, которые питались за счёт судна. Судовая роль и манифест были отданы на проходную, выход в город был свободным, отношение с властями было дружественное.

Название calabar местные жители расшифровывают как словосочетание «come and live and be at rest»: «приходи, живи и отдыхай».

Приливы в порту полусуточные, высота прилива была до 3.5 метра. Вели наблюдение за швартовыми, лоцманы в порту (их было шесть для обслуживания швартовых операций в старом и новом портах) без лицензий, и только у старшего лоцмана был речной диплом, он говорил, что является 10-м боссом в порту, однако попросил пять пустых бочек из-под моторного масла «Кастрол» у старшего механика и заявил, что с таможней проблем нет; для нигерийских портовых чиновников это является нормой.

В городе полицейские несут службу на дорогах с автоматами М-16, могут остановить такси, в котором вы едете, попросить денежный подарок за посещение вами страны под названием Нигерия.

...Выгрузку начали судовыми кранами в 15.30 двумя бригадами, темп работ был очень низким, это характерно для всех нигерийских портов.

Из главного агентского офиса (контора в порту Лагос) прилетал менеджер Rene Van Loenen 35-ти лет, дружелюбный молодой человек. Два вечера, 1 и 2 декабря, провели в баре отеля PYRAMID, расположенного рядом с портом. Щедрости получателей не было границ, наслаждались местным колоритным гостеприимством, оправдалось название «Калабар»: приходи, живи и отдыхай.

Выгрузка производилась практически круглосуточно. Закончили выгрузку в 13.20 3 декабря, была небольшая задержка с отходом из-за неоплаты банком судозахода от фрахтователей, обычная канитель для Нигерии.

Отошли от причала по приливу в 07.00 4 декабря с лоцманом и буксиром, осадка на отход в пресной воде была 5,2 метра носом и 6,3 метра кормой, в 08.30 лоцман покинул борт судна у буя № 24 на траверзе острова PARROT, далее плавание по фарватеру до приёмного буя координировали с капитаном гидрографического судна Marine Endeavour, в 11.30 4 декабря прошли фарватер и продолжили плавание на юг к порту Кейптаун.

Этот рейс был моим последним посещением нигерийского порта.

Фото Дениса Бурова

ИНЕЙ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ

Лидия СЫЧЕВА,
г. Москва

Автобус – «ледяной дом» – катится по густым сумеркам – зимним, московским. Тесно от шуб и дубленок, холодно и постыло – медленно едем, от двери дует. Пугаю себя, готовлю к худшему – вдруг Митя заболел? Утром вставал трудно, капризничал, колготки надел наизнанку; я проспала, спешила, так и потащила в детсад – где бегом, где уговором, за руку, за воротник черного цигейкового тулупчика.

– Митя, – зову я в пустоту игровой и спальни, – Митя!

Недовольная воспитательница, вчерашняя школьница с когтистым фиолетовым маникюром и жирно накрашенными губами, волокет моего взъерошенного сына из умывалки, когти вязнут в клетчатой рубашке:

– До шести работаем, сколько раз говорить! Опять на тихом часе не спал. Аню Буданову толкнул. В краски влез.

Я бормочу извинения, трогаю Митин лоб – слава Богу, пронесло! Болеть нам никак нельзя. Два больших за полгода – и прощай, работа!

Дома я энергично поворачиваюсь на кухне – кипит бульон, жир скворчит и компот варится. Сынок посидел чуть у телевизора, и тут как тут – тащит «КАМАЗ» за веревочку и резинового крокодила за хвост: «Мам, давай поиграем...»

– Давай, – вздыхаю я и сыплю соль, больше положенного сыплю.

За ужином Митя жалуется на Светлану Петровну – злюка, дерется.

– А ты не балуйся, – наставляю я.

– Все равно дерется, – упорствует сын и, вспомнив дневные обиды, начинает плакать.

– Ну-ну, не нюнься, – жалею я Митю, – мужик ты или кто? Мужик, мужик! – и ворошу сынишкины кудри. Красив у меня Митька, и в детском саду держится. Ничего! День прожили.

На ночь я читаю сыну книжки. «Агниибарто» проштудированы вдоль и поперек, и сегодня Митя тащит из шкафа корешок покрасивей.

– Это взрослая, – предупреждаю я.

Митя упрямится, толкает в бок: «Читай!»

Будильник не забыть завести. Завтра обязательно надо заплатить за свет – последний день. «Наружность князя соответствовала его нраву. Отличительными чертами более приятного, чем красивого лица его были просторечие и откровенность. В его темно-серых глазах, осененных черными ресницами, наблюдатель прочел бы необыкновенную, бессознательную и как бы невольную решительность, не позволяющую ему ни на миг задуматься в минуту действия... Мягко и определенно изогнутый рот выражал честную, ничем

не поколебленную твердость, а улыбка беспритязательное, почти детское добродушие...»

– Мама, – тянет за рукав сын, – а кто такой князь?

– Ну, – затрудняюсь я, – в данном случае красивый, сильный, знатный человек, защитник родины.

– А мой папа – князь?

– В некотором роде, пожалуй, да.

– И на лошади он умеет ездить?

– О, – оживляюсь я, – всадник каких поискать.

– Меня научит, да, мам?

– Обязательно.

– А когда он приедет?

– Вот подрастешь, станешь умным, сильным, вернется папа и обрадуется. Гордиться тобой будет. А сейчас спи, засыпай, я тебе песенку про котика спою. Завтра пятница, а потом суббота, и все у нас хорошо...

На работе сегодня застой, в отсутствие начальства персонал расслабился, оторвался от бумажек. Мое кропотливое дело – технические переводы – скука смертная. Артикли, схемы, строчки, деньги. Фирма экономит площадь, и нас разгородили пластиковыми ширмами, компьютерный чад поднимается к высокому «сталинскому» потолку, разгоняется вентилятором и оседает на головы «белым воротничкам». Мой закуток у окна, видно зимнее небо в проводах, и дерево карачиком от долголетней культурной обработки, и церквушку в старых заснеженных лесах. Алехиной повезло меньше – ее стол с трех сторон обгорожен полыми «стенами», и в свободную минутку она вырывается ко мне поболтать.

– Явление самой стильной женщины учреждения и окрестностей, – бодро приветствую я Алехину.

– Перестань, – досадливо машет она, – я даже не накрашена, ты что, не видишь?

– Не заметила... Как же случилось такое несчастье?

– Ань, – Алехина снимает очки, глаза красные, – мы с Вовиком расстались.

– Свежая новость, – хмыкаю я. На моей памяти расставания с Вовиком происходили уж раз пять. С предметом слез, страстей и наших разговоров я едва знакома. Вовик – детина громадного роста, каких поискать. Со слов Алехиной я знаю, что он водитель, разведенец и выпить не дурак. Добрый человек – в минуты особого душевного расположения он может принести тапочки прямо к постели.

– Нет, все серьезно. Вчера приехала с работы пораньше, до его прихода, стала гречку варить, печенку купила, решила поджарить. Нашла две рубашки грязные, замочила. Он пришел не в настроении, но трезвый.

– Может, потому и не в настроении? – ехидно вставляю я.

– Может, и так, – горько соглашается Алехина. – Говорю ему: давай вместе поужинаем. А он стакан налил, тарелку взял и в комнату – телевизор смотреть. Врубает на всю. У меня так голова болела – магнитные бури, что ли? Я ему с кухни кричу: «Вовик, сделай потише!» Ноль эмоций. Подхожу к нему, только рот раскрыла, а он как погнался матом: «Чтобы я, в своем доме – и делать что хочу не могу!»

– Ну и? – сочувствую я.

– Собрала свои вещи в два пакета, поймала частника – и к матери.

– А он?

– Да что он! Я, по правде, и не слушала, все думала, как не расплакаться.

У нас общая минута молчания по Веркиному горю. Потом Алехина качает головой, горестно моргает и ответственно спрашивает:

– Ань, ну что мне было делать?! Скажи? Ну вот скажи, тебя хоть раз посылали матом?

Я вспоминаю закатываю глаза, жую губами и наконец честно признаюсь:

– Неоднократно!

Алехина безумно смотрит на меня, и через секунду мы хохочем так, что к нам начинают заглядывать из других закутков.

...Вечер, и у нас с Митькой настоящий дом – пахнет пирогами, свежее белье на постелях, и, если убрать верхний свет, видно, как за окном летят большие, сказочные хлопья снега, похожие на растрепанных птиц.

Митя спит в обнимку с «Князем Серебряным» и зеленым крокодилком. Тихонько, чтобы не разбудить, я выволяю вещи. Настроение вечернее немного грустное и тревожное. Я долго стою под душем, потом рассматриваю себя в зеркало: «Сбросила лягушачью шкуру, обернулась Василисой Прекрасной», – прямо как в Митиных сказках. Глаза светятся, румянец молодой. Второй раз в жизни я кажусь себе очень красивой – ровная смуглая кожа, спокойная грудь, капли резво катятся вниз, тают на бедрах. Все живое, не то, что эти синтетические девушки с обложек. У меня нет мужчины, и, честно говоря, не хочется. Хотя Алехина говорит, что нужно для здоровья. Но – не хочется...

Ночь – большой черный короб, и в нем есть коробок поменьше – моя семнадцатизэтажка, а в квартире на третьем этаже за дверью ванной рубчатый коврик впиивается в мои голые пятки. Как странно, что я чувствую себя совсем свободной в этих каменных одежках, я, такая голая, беззащитная и невечная. Не то чтобы я пережила свою беду, но просто не даю ей множиться. И чудится мне, что в такие спокойные одинокие ночи продолжается моя настоящая жизнь. Время, когда я робко вспоминаю прошлое. Смешно, но мне не хватает сил даже вслух, себе самой сказать о нашей любви, а чтобы обсуждать ее, допустим, с Алехиной... Верку не упрекаю. Но почему я сразу поняла – мои чувства – непроизносимые, непредставимые. И я больше мучаюсь не нынешним формальным женским одиночеством, а немотой, невозможностью вслух доказательно произнести слово «чудо».

Вот я перебираю в памяти каждый день, каждый шаг – как рассказать?! День был... ну, не то чтобы печальный, напротив, но какой-то уж очень запоминающийся! Как старый валун у распутья. И осень была настоящая. В городском парке я вдруг поразились тому, как падают листья. Золотые челны с ивы плыли и плыли. Потрясающая щедрость дерева – лист, еще здоровый, гибкий, самый красивый за всю свою недолгую жизнь, ясно цвел на осенней земле. А дуб – такая кряга и сила – сорил золотыми, как подгулявший купец. Только звон по округе летел! А тут еще рябина мокла, отражаясь в крохотном пруду – яркая, крупная; пруд искрился от последних паутин и шаров перекасти-поле. Поодаль мужики распивали «на троих» на скамейке, интеллигенты с коньяком. Школьники шумели, катились ватгой по дорожке, лупили друг друга портфелями. Обыкновенная жизнь шла. «Я тебя сразу узнал», – сказали твои глаза. «И я!» – радовались мои. А осень так вызолотила аллеи, что даже тень вековых стволов скрывал листопад. И первый раз, после многих лет, зим, весен, глупости и разочарований, я знала и счастливилась: если скажут мне – умри, как лист, умри сейчас, живой, золотой, не тронутый морозом и рябью, я бы плыла проще легкой лодочки с ивы – к земле. Не страшась ни забвения, ни чужих тупоносых ботинок, ни дворничьих костров – вот жизнь!

И все случайные черты были стерты, мир раскрыл потайные ларцы, мы и жили, почти не печалась, не разбирая земные грехи. Пришла зима – взбила перины, расстелила покрывало, развесила гирлянды и серебряные шары. Весь север и восток – наш, на тысячи верст простор, снег; леса в шубах, елки в кокошниках, даже волки не злые, а мужественные. Мы купили два билета на электричку. «Увидишь!» Я только согласно головой качала. Вышли на платформу – такая стынь и радость! Минус тридцать, слезы из глаз, и иней, иней! На станционной будке, частых соснах, проводах, усах прохожего – клянусь, что никогда я не видела столько сверкания и богатства сразу. Даже вороны в бриллиантах. Ну кто в такое поверит?!

И нужно очень быстро бежать – иначе пропадешь, замерзнешь – навстречу солнцу, теплomu дому, по снежной дороге на холм, там, где новым золотом, в крапинах мороза, греется белый храм; и дальше, с горы, – красные, жаркие, мы летим по заледенелой улице. Я оглядываюсь в дверях и удивляюсь, смахивая морозные чистые слезы: иней!

В ковшик с водой засмотрелась – красавица! И кому какое дело, как мы любим друг друга; и теперь уже неважно, сколько раз посылали меня матом мужчины от собственной несчастья – женщиной ведь от этого я не стала и красавицей тоже.

Две зимы в году не бывает. Слишком счастливы! Была бы любовь, разлука найдется. Нам весело – перед расставанием навсегда – что же остается?! Могу и сплясать: летит цветастая шаль, а по шали – жар-птица, жарко припеваю:

– У миленка моего

Волосы волнистые,

Я его не заменяю

На горы золотистые!

И Митька родился с такими же кудрями, и радость от того, что сын появился на свет точь-в-точь похожим на отца, меня так потрясла, что я разрыдалась на всю родовую. Акушерка была совсем не грубой, гладила меня по голове: «Голубушка, голубушка! – а сама младше года на два, – счастье какое, мальчик, здоровый, крепкий. Что ты?» А что я? Иней растаял. И нет тут нашей вины...

Утром я нашарила в почтовом ящике письмо. Сначала удивилась незнакомому почерку, потом похолодела – писал отец. Я рвала конверт, прыгали строчки. Значит, маме сделали операцию. «Не хотели волновать...»

Я несправедливо ору на Митю: «Быстрее собирайся!», звоню Ахехиной, чтобы объяснилась на работе, что-то лихорадочно сую в сумку; и все время помню, что мне нельзя быть в отчаянии: дорога долгая.

Лишь однажды я не послушала маму: «Какая стыдоба! Догулялась!» Что же, можно и так сказать. Я угрюмо сверкала подбитым глазом – мы разводились с мужем. Мне не хотелось его больше обманывать, а он еще не знал, что я будущая мать. Правда, чужого ребенка.

Отчего болеют наши родители? Ясно, что не от старости. Мы с Митькой в аэропорту, час десять лету до области. Потом можно поездом, но автобусом быстрее, хотя дороже и с пересадкой. День катится с комком в горле, с потерей аппетита, с раздражением в голосе и дрожью в руках. К счастью, Мите все время что-то нужно: то в туалет, то конфету, то спать, то скучно.

...Мы мерзли на трассе в Щиграх, в ста метрах от автостанции. Оставались последние семьдесят километров до мамы. Вдруг я с ужасом поняла, что никуда мы сегодня не уедем. Шесть часов вечера, сумерки, суббота, чужой райцентр. Пяти минут нам не хватило, чтобы успеть на последний рейсовый автобус. Пусто на дороге. В кособоком домике автостанции гаснут окна. «Мама, когда мы к бабушке поедем?» – теревит за рукав, заглядывает в глаза Митя. Я рассуждаю вслух о том, что в городе обязательно должна быть гостиница. Припозднившаяся легковушка, единственная за последний час, качает фарами по гололеду. Я лезу под колеса. Мы долго трясемся по кривой, плохо освещенной улице, водитель угадывает выбоины и пространно нам сочувствует. Он высаживает нас у подъезда вросшей в неубранный снег приземистой гостиницы.

Но в кои веки в Щигры приехал выступать областной хор! Мест нет. В вестибюле на стульях и узлах дремлют торговки с базара, мужики в нахлобученных шапках. Кто-то сидит прямо на кафеле, подстелив газету. Две женщины с только что реставрированной косметикой на лице – дежурная и администратор – щебечут за стойкой на широком диване. «С ребенком на одну ночь», – неожиданно хрипло говорю я, непроизвольно глядя на диван. «Гостиница переполнена. Вы же видите», – и дальше, им не до меня. Я стучусь в ближайший номер и, стыдясь, прошу стул для Мити. Наверно, не умею просить. Снова возвращаюсь к стойке. «Пожалуйста, посадите мальчика на диван, он очень устал». Митя тоже просит, молча. Красивые женщины, местные львицы, брезгливо морщатся: «Нельзя». Я тащу Митю из вестибюля на улицу, боясь расплакаться при них. «Стервы», – шепчу я и рыдаю в темноте, ут-

кнувшись в Митин тулупчик. «Мамочка, миленькая, не плачь, – пугается сын, – я еще не хочу спать. Не плачь, пожалуйста! Мы будем ходить и не замерзнем», – он успокаивает меня по-взрослому, мой маленький сын, вытирая варежкой слезы.

Нам некуда идти. Можно побить окна в гостинице, и тогда нас заберут в милицию. Или в вытрезвитель. Но, наверное, у меня не хватит денег на штраф, и вообще, я никогда ничего не была, кроме чайных чашек.

Мы медленно бредем мимо глухих заборов и синих от телевизоров окон. Кажется, где-то в начале улицы мы проезжали телеграф – он должен работать круглосуточно. Я перекидываю сумку в другую руку.

Нет на небе звезд, осторожный мороз крадетсЯ по пятам. Тихо и равнодушно, будто никому в целом свете мы не нужны. Какое одиночество разлито в этой серой, чужой зиме! Как некрасивы грязные, смерзшиеся, ледяные от нечистот дорожки, сизые колеи, уродливые, кривые кустарники у низких калиток! И я на мгновение зову неведомое, чудесное спасение, и тут же устыжаюсь своей глупой мечты. «Ничего не бояться!» – разве не это твердили мы друг другу на заиндевелой станции Ярославской железной дороги? Сколько инея, свежести, красоты и победительности было в моей жизни и вдруг я расхлюпилась в каких-то Щиграх! Будто не сама виновата. Разве две холеные тетki на казенном диване всегда и со всеми такие равнодушные?! Нам встречаются те люди, которых мы заслужили. Или намного лучше – потому что мой любимый – отважнее князя, красивее инея, сильнее смерти. И вспоминая это, я совсем ничего не боюсь, а в небе месяц-плуг режет низкие тучи и высевает золотые зерна звезд.

Засмотревшись, я спотыкаюсь, и в то же мгновение чувствую, как кто-то подхватывает мою сумку. Не успев испугаться, я вижу рядом высокого, без шапки, слегка сутулого мужчину, а поодаль еще двоих – крепыша в светлом плаще и коротышку в спортивном обличиИ. От компании веет неблагополучием и странностью: одежда явна случайная, без женского глаза, да и будут ли нормальные мужики шляться по улице в такое время!

– Помогу нести, – отрывисто и властно говорит высокий, забирая сумку. Мы с Митей пытаемся пристроиться к его широкому шагу.

– Мальчишку возьми, – бросает высокий крепышу. Митя охотно лезет на руки.

– Куда? – это мне.

– На телеграф.

Мы движемся молча и быстро. Только коротышка в спортивных штанах с широкими красными лампасами курит, кашляет и что-то глухо мычит.

– Пришли. Спасибо, – благодарю я у неоновой вывески. Но вся компания вваливается вместе со мной. Я усаживаю Митю на скамейку, устраиваюсь сама. Наши неожиданные помощники шушукуются у пустой переговорной стойки. Очень хочется спать.

– Заказывать будете? – высокий стоит рядом и внимательно смотрит на меня. На вид ему лет сорок, неглубокие морщины, короткие волосы, его можно было бы назвать симпатичным, если бы не цвет кожи – бледновато-желтый, нездоровый, будто он всю свою

жизнь просидел в погребе. Я опускаю глаза и не могу оторвать взгляда от его рук, густо изукрашенных причудливыми татуировками.

– Мне некуда звонить, – говорю я. И спокойно рассказываю про весь день с утра. Усталость растекается по телу, и я слышу свой голос отдельно, и удивляюсь его непохожести.

– Понятно, – хмурится высокий. – Послушай, как тебя там?

– Аня, – шевелю я губами.

– Аня, ты можешь переночевать у меня. Там спокойно. Живу один. Чисто. Здесь недалеко. Я уйду к знакомой.

– Не надо.

– Брось, – криво улыбается он. – Не из-за тебя, не думай. Парнишку пожалей. Он-то чем виноват?

Куртка у высокого расстегнута, и верхняя пуговица у рубашки тоже, из-под ворота на шею ползет синяя татуированная змея. Мы встречаемся глазами, и вдруг я понимаю, что для него очень важно, чтобы я ему поверила и согласилась.

Мы идем минут десять. На первом этаже длинного барачного здания крохотная комнатка метров в восемь. Телевизор, холодильник, две кровати. В кухоньке топится печка, высокий двигает заслонку. Обеденный стол, два стула. На стене висит сковородка рядом с обнаженной календарной красоткой. «Парашу им поста...» – начинает было коротышка, но осекается, уловив бешеный взгляд высокого. «Хлеб в столе. Масло и колбаса в холодильнике. Есть молоко. Ешьте, пейте. Грязное ведро у дверей. Приду в шесть – первый автобус в семь. Закрывайся на два оборота. Ключ из двери не вынимай. Никому не открывай, пока не назовут тебе по имени. Ясно?»

Митя засыпает сразу – намучился. В тюлевой занавесочке путается месяц. Окно совсем рядом. Я даю себе честное слово не спать. Во-первых, мне страшно, во-вторых, я боюсь угореть от печки. «Не спать!» – приказываю я себе и через секунду просыпаюсь от осторожного стука: «Аня, открой. Утро».

На автостанции вокруг нас вакуум – похоже, местным хорошо известно «дурное общество». Высокий, он же Слава, он же вор-рецидивист по кличке Князь, два месяца назад вернулся из заключения. «Общий стаж – девятнадцать лет. Все, завязываю. Машину куплю, женюсь...!» Я немного опасаюсь за содержимое моей сумки, которую несет Владимир Иванович Головки, коротышка пенсионного возраста, старый вор-карманник. «Будь спок», – бормочет Головки, читая тревогу в моих глазах. Поодаль, засунув руки в карманы мятого плаща, топчется крепыш – Комиссар.

– Почему Комиссар никогда не разговаривает? – осторожно спрашиваю я у Владимира Ивановича. – Он... немой?

– Ха – ха – ха – ха! – хрипло заливается Головки. – Ему Князь запретил рот открывать при вас. Он слова без мата не может сказать.

– Чего так? – удивляюсь я.

– А лежи семь раз в ЛТП, узнаешь, – гордится Головки.

Слава купил билеты и пряники на дорогу. Мы расста-

емся лучшими друзьями. Комиссар украдкой утирается. Владимир Иванович, вспомнив происхождение (говорит, что из дворян), галантно целует мне руку.

– Может, телефончик оставишь? – вздыхает он. – В гости когда зашли бы...

– Заткнись, – шипит Слава. – Ну, давай, – мы уже в дверях, – не забывай, ладно?

Конечно, не забуду. Митя машет «дядям» в окно...

«Мама, – шепчу я, – мама!» – и осторожно глажу ее большую, непривычно белую, стерильную руку.

Дома тепло, натоплено, оттаяли окошки, видно гибкую рябину в инее. Я прибралась, настряпала вкусного, Митя тащит санки по двору, усадив на них терпеливого кота, отец гремит ведрами у базов. Дома особенно уютно – беду отогнали, и уже меньше пахнет лекарствами, и лицо у мамы светлее, она открывает глаза, ясно смотрит.

– Бульон надо принять, – руковожу я, – режим!

Мама осторожно приподнимается, я обкладываю ее подушками. Эх, хороша была курица Чернушка! Душистый бульон, прозрачно-золотистый, целебный.

– А в войну, бывало, – вспоминает мама, – прибежим к тетке Арине – голодно! Нас четверо. Дядя Егор ругается: «От черти голодные!» Тетке Арине нас жалко – родные племянники. Она его забалакивать, задабривать. «Егор, а Егор! Возьму я проса, пойду воробьев ловить!» Он только рукой махнет. А своих детей у них не было... А тетка Арина с валенком в курник, проса насыпет, воробьи слетятся, она их ловко – маленькая была, худенькая – валенком накрывать да скорей тряпкой затыкает. Потом сидим, оббираем этих воробьев, накладем полный чугунок – как картошки. И быстро они варятся на загнетке, и мы ели их, аж кости хрустели. Соли, конечно, не было. Домой прибегаем вечером, мама зовет: «Ну, сидайте вечерять. Борщ есть». А мы кажем – мяса наелись. Воробьиного.

И мы улыбаемся воспоминаниям, далеким временам.

– Как ты живешь, Аня? – неожиданно спрашивает мама.

– Ничего живу, – вздыхаю я, – нет, правда, ничего. – И спешу ее убедить: у меня сын, о котором я мечтала; жить есть где, нормально зарабатываю, все хорошо, – и вижу, как увлажняются мамины глаза. – Ну что ты, в самом деле, не война же, – отшучиваюсь.

Белая ночь, зимняя, в круглых нетронутых барханах, и соседский сараюшка горбится верблюдом, и тихо цветет рябина чудо-деревом, поднимая живыми ветками морозный снег и напитанный золотом, расплывший месяц.

Я поднимаю голову – и, Боже, какая звездность и какая лучистость! Кажется мне, что и звезды в инее, кружатся, дрожат, складываются в картину; и видится, будто по белому пути скачет звездный князь, серебряный, молодой, веселый вечный воин. Летит по небу, отпустив поводья, бьет норовистый конь копытом по Млечному Пути, высекает серебряные искры... И множество несбыточных горьких звезд катятся мне в ладони...

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК-ТО?

Ирина ШУКЛИНА,
Владивосток

Родилась в 1962 году в Находке. Юность провела в Москве, где обучалась в текстильном институте им. Косыгина. По возвращении в родной город внештатно сотрудничала в газете «Находкинский рабочий», затем была корреспондентом многотиражки «На стройке» треста «Дальморгидрострой», а после ее закрытия – корректором в коммерческом издании «Находка».

С 2006 года живет во Владивостоке.

Писать прозу пыталась с детства, правда, творила «в стол», не решаясь показать кому-либо свои опысы. Сегодня же, после долгих лет молчания, автор представляет на суд читателя то, о чем не может не сказать...

За давностью лет забыть бы эту историю, стереть из памяти, словно и не было. Зачем держу ее при себе, зачем вспоминаю, зачем душу тревожу?..

Москва, 1980 год, весна. Мы юны и бесшабашны, нам нет и двадцати. Три года назад принесло нас из городов и весей в град столичный желание получить высшее образование. С образованием, как это часто бывает, сразу не заладилось, что не остудило наш пыл, а привело от дверей различных вузов прямо к проходной камвольного комбината. Здесь мы и трудились, совмещая теперь работу с учебой на вечернем отделении текстильного института. Нас было четверо, и жили мы в одной комнате фабричной общаги, где столы и подоконники были завалены нашими учебниками, конспектами, чертежами и иже с ними. Мы были целеустремленны, начитанны и полны амбиций. Мы посещали театры и Третьяковку. Мы любили порассуждать о высоких материях и думали о себе не иначе как о непризнанных гениях.

А Верка – она была другая. Из тех, чьим самым большим желанием было выскочить замуж, немедленно обабиться, напялить цветастый ситцевый халат, купить сковородок и дешевеньких чайных сервизов в горошек – чтоб все как у людей – и поживать на лаврах мужней жены до скончания века. Девчат с подобными устремлениями на комбинате было немало – мы четверо были скорее исключением из правил, чем наоборот – и Верку никогда бы не выделили из всех, если бы не одно обстоятельство.

Года два назад – тогда на комбинате мы были еще новичками – родила и оставила в роддоме мальчика. Замужем, понятное дело, горе-мамаша не была. Поступок (или проступок?) Веркин вызвал массу шепотков и пересудов. Именно так – шепотков и пересудов. Ибо, насколько мне известно, никто в лицо ей не высказал своего неприятия, и Верка, как ни в чем не бывало, с невозмутимым видом продолжала трудиться бок о бок с нами. Кто-то из женщин, из тех, что постарше, осуждающе качал головой, кто-то жалел ее, беспутную, – сколько людей, столько и мнений. Нас,

студенток-вечерниц, слушать никто не желал, считая такими курсистками, ничего не смыслящими в бабьих делах. Да так оно, наверное, и было, нам тогда только-только по восемнадцать стукнуло.

Что ж, как говорится, перемелется – мука будет. И перемололось, и подзабылось, и быльем поросло...

Да только сбывлась наконец Веркина заветная мечта – замуж ее позвали. И сыграли молодые свадьбу, и возымел место ситцевый цветастый халатик, и сковородки были прикуплены всяких мастей. И раздалась Верка, и округлилась – обычное дело для мужней-то жены.

И как-то ярким весенним днем, отработав утреннюю смену, из проходной комбината, как и полагается, повалил говорливый и смешливый народ. И все увидели Верку, демонстративно прохаживающуюся с детской коляской. На лице ее были умиротворение и безмятежность. Она радостно и горделиво стала принимать поздравления, сразу посыпавшиеся со всех сторон.

– Кто у тебя, Вера? – спрашивали наперебой товарищи.

– Мальчик, – отвечала, счастливо смеясь, Верка.

И все-то у нее было хорошо: и муж, и ребенок, и сервиз в горошек заготовлен по случаю родин. Жизнь удалась, одним словом. Все как у людей.

* * *

Всю дорогу до общаги мы подавленно молчали.

И только зайдя в комнату, одна из нас произнесла:

– Неужели она совершенно выкинула из головы того, первого своего мальчика? Разве такое возможно? И как она будет растить сына, зная, что где-то есть еще один, брошенный ею ребенок?

– А у нее, наверное, как у классика, помните? «А был ли мальчик-то?» – тихо ответила вторая.

– «Может, мальчика-то и не было?» – потерянно подержала третья.

Я промолчала.

Что тут добавишь?

РЯДОМ С НАМИ

(О СТИХАХ КАТИ КОЗЛОВОЙ)

Ирина КИРЕЕВА,
г. Владивосток

Я слышу тебя, я вижу тебя,
Но этого слишком мало.
Лишь маленький, краткий взгляд
И вечерний звонок успокоят меня –
Значит, есть надежда.
Я расплываюсь в улыбке, когда вижу тебя,
И сердце поёт от любви,
И я забываю про всё на свете.
Но мысль, что я не такая, как все,
Спускает меня на землю.
Я боюсь потерять тебя,
Боюсь, что меня ты отвергнешь...

Тот, кто хоть однажды был влюблён, хотя бы отчасти поймёт, что происходило в душе маленькой – 11-летней! – девочки, когда она писала такие строки. Отчасти – потому, что мы такие, как все. А она – другая. «Ты никогда не будешь рядом со мной» – так печально называется это стихотворение. Про него не скажешь: «красивые стихи про любовь». Катины стихи родились в самой глубине её детского сердца и выплеснулись недетскими – искренними, пронзительными строками.

А вот какой праздник цвета и аромата в стихах о любимых розах:

В нашем маленьком саду
Расцвела вон в том углу
Наша красная девица.
Всех пленит она собой,
Всех чарует красотой.
Коронуем королевой всех цветов
в округе этой.
Аромат её так сладок,
как пчелиный мёд из банок.
Листья свежести полны,
словно выпили воды.
Лепестки такого цвета,
словно кровь пролита где-то.
Есть сестрицы у неё. Белоснежная одна.
А вторая, как луч солнца,
озаряет цветом жёлтым.
Третья в розовый одета,
словно губы нежным летом.
Все четыре так красивы,
так милы и так пленивы...

Да, такого слова – *пленивы* – нет в русском языке. Его придумала Катя (в 11 лет так интересно всё при-

думывать – даже слова). Но не сразу осознаёшь это: кажется, чудное слово было всегда. И веет от него стариной, и садом, и ароматом роз.

Когда Катя Козлова писала эти строки, она ещё ходила в обычную школу. Правда, не всегда сама. Часто её провожали мама или бабушка...

А она была влюблена и отчаянно отстаивала своё право на счастье. Вот стихотворение «Встреча после школы!» Восклицательный знак в названии совсем не случаен – в нём буря эмоций:

В тёмной комнате одна
Я лежу уж полчаса.
И никак я не пойму,
Почему я тут грущу?
Утром встала я, умылась,
приделась, собралась
И ушла в свой школьный класс.
А заочивши уроки, я направилась домой.
Но расстроилась, увидев,
что Тимур шёл не один,
А с какой-то девчонкой
он в обнимочку идёт.
Я тогда уж не стерпела –
и как тресну по башке!
И девчонка та упала. И, от боли заревев,
Принялась к Тимуру липнуть.
Ну а он её жалел.
Всё равно не пожалею, что такое натворила.
Будет знать, как к девкам липнуть!
Обо мне совсем забывши!

Читая эти строки, взрослый не может сдержать улыбку. Но в этих стихах – такие события, переживания! И непридуманная жизнь. И совсем нет притворства.

Юная поэтесса подрастала и взрослела. Она сумела сохранить и любовь в своей окрылённой душе, и дружбу с мальчиком, и привязанность немногочисленных, но настоящих друзей. Катя одарена способностью наблюдать. Поэтому в 12 лет рождаются простые и очень притягательные – как японские танка или хайку – строки о природе, об осени:

Лето прошло, осень настала,
Грустная осень, дождливая осень.
Нет больше солнца, нет и тепла.
Затянута тучами небо.
Северный ветер бушует,
с деревьев срывая листву.

Цветы все завяли,
трава пожелтела,
И птиц больше нет.
Только тёплые,
нежные воспоминания
О прошедшем лете.

Вместе со взрослением подбиралась к девочке коварная болезнь. Будто ждала своего часа, чтобы обрушиться со всей силой. 31 августа 2007 года – перед самым началом учебного года! – Катя потеряла сознание. Так и не довелось ей пойти в 7-й класс. Вот уже три с половиной года девочка лежит в Детской городской клинической больнице Владивостока, в отделении реанимации. Одна – в большой палате.

Никто не в силах
мне помочь...
Белеют стены, как квадраты,
Кровати в ряд стоят...
А за окном проходят дни,
Весну сменяет лето...

Сейчас ей 16 лет. Все эти годы Катя лежит – в самом буквальном смысле слова. Она не может даже сидеть. К её трахее присоединена трубка дыхательного аппарата, без которого девочка не может жить.

Самое потрясающее в этой милой симпатичной девочке – её доброта и творческое настроение. Катя много читает. В последнее время стала писать прозу – волшебные рассказы-сказки. А может быть, это сказки-сны. С их помощью она попадает в другой – счастливый – мир. Вот как об этом рассказано в её стихотворении «Сон»:

Уснёшь ты ночью, как младенец,
Уснёшь так сладко, чуть дыша, –
И попадаешь в мир фантазий.
И будет всё, как в жизни, там:
Земля и небо над тобой,
Вода и воздух – всё со мной...
Но есть в огромном этом мире
Старинный замок над горами,
И птица феникс на руке,
Единорог за мной шагает,
А я летаю в облаках.
Проснувшись утром, я пойму,
Что я туда не попаду.

Катюша не только фантазирует. Она пишет о животных, о том, как «кот среди мышей живёт не на диете». О снегопадах, о дожде, об игрушках... С любовью пишет она о «мамочке милой» и о бабушке – «лучике солнца», о подругах. Но есть и горькие стихи. Например, о том, что люди не всегда выполняют свои обещания:

Обещание дают,
А выполнять – не выполняют.
Ты надеешься на встречу.

Фото Ольги Петровой

Но – увы! Всё рухнет лишь за миг!
И сразу грусть ворвётся
в незащищённое сердечко.
Заполнит душу сука,
разочарование и мрак.
Как грустно, что этой встречи нет.

Летом прошлого года у Кати появилась надежда, что Новый год она встретит дома, среди родных людей. «По дому грусть меня съедает», – писала девочка. Забрехала надежда, что выделят деньги на приобретение дыхательного аппарата лично для неё. Выделяли ли деньги? Если выделяли, то где они? Катина мама, Светлана Ивановна, выяснить ничего не смогла.

Белые стены, белый квадрат –
Всё надоело, как смерть или страх...
Куплю я на поезд последний билет
И сяду в вагон в последний рассвет...
Прощаюсь я с солнцем и небом родным,
Прощаюсь я с домом моим дорогим...

Уходит из Катиной души надежда. Всё чаще печальные мысли звучат в её стихах.

Так хочется, чтобы надежда не покидала эту талантливую девочку.

Мир меняется стремительно. Может, совсем немного – и научатся лечить твою болезнь, Катюша. Держись и помогай себе своими полётами в иные миры. Твои стихи и рассказы тоже могут помочь кому-нибудь в трудную минуту жизни, «защитят от страшной тьмы». Помнишь, как ты писала в стихотворении «Ангелок»?

Белый, нежный ангелок,
Прилети ко мне на помощь,
Защити от страшной тьмы...

ОДУВАНЧИК ФОНАРЯ

Алёна МИРОНОВА,
г. Нижний Тагил

Елене 34 года, живёт и работает в Нижнем Тагиле.
Лауреат независимой поэтической премии "П"-2010 (обладатель
Большой премии).
Публиковалась в журналах «Новая Юность», «День и ночь», «Урал»,
«Уральский следопыт» и др.

* * *

Ливень свесился с карниза —
поглазеть чужие сны.
От кофейного сервиза
откололось полстраны.

Местность сбрасывает кожу —
значит, время повзрослеть:
осень пить из чашек Божьих,
по карманам шарить медь.

Пахнет йодом и карболкой
в непроглядной чаще букв,
положи меня на полку —
не пытай судьбу.

Но когда подступит к горлу
острым лезвием вода —
встань у входа в чёрный город,
не пускай меня туда!

НАБРОСОК ДОЖДЛИВОГО НАСТРОЕНИЯ

Вода, к воде сходящая с ума,
сама с собою водит хороводы
и тянет с неба в город задарма
дождливую погоду и повзводно
считает возведенные дома.

Вода, в воде нащупавшая цель,
вколачивает гвозди в дёрн
умело.
Мельчает лето, севшее на мель.
Стрекозы, нарисованные мелом,
во рту катают солнца карамель.

Вода, с водой идущая пешком
в простом пальто
свободного покроя,
расчёсывает время гребешком,
глотаёт все, на что зрачок
настроен —
нас трое у неё под языком.

Но тот, который третий,
лишь молчит.
И, повернувшись к каждому
спиною,
вода, от дома потеряв ключи,
который день меж нас стоит
стеною —
сплошною, как китайский
алфавит.

* * *

Качается... качается... качается
от ветра одуванчик фонаря,
а на губах все ярче ощущается
прохладно-мятный привкус
января.

Доверчиво, как женщина
влюбленная,
вмерзает в лед огромная страна,
и тишиною белой удивленная
в кварталах разрастается луна.

День уходящий крепко обнял
деревце,
закутал в парусину облаков,
и жизнь моя — стеклянную
безделицей —
качнулась в глубине его зрачков.

* * *

Нас утром жизнь отпросит
у судьбы,
а ночью смерть надышит медь
на веки.
И дни, как придорожные столбы,
потерянно уткнутся в снег.
И реки
во сне зайдутся льдом. И облака
наохлятся... но с ангельской
подачи
отыщут нас в глубоких
тайниках —
и в голубые травы перепрычат.

СКАЗКА

Распродано полцарства
с молотка
и даже месяц — под шумок —
надкушен.
Давным-давно доели колобка —
всё ближе по твою крадутся
душу.
И не спасут ни верный конь,
ни щит,
когда декабрь подберётся
к горлу
и, золотые отобрав ключи,
опустошит бесцеремонно город.

Падёт гонец, не одолев рыбка.
И, тщетно дожидаясь доброй
вести,
придворные растащат по рукам
всё, что осталось.
И ещё лет двести
нас будет сторожить из-за угла
без сна и днем и ночью снег
подробный —
холодная кощеева игла,
рукой зимы нацеленная в рёбра.

* * *

Чёрствой крошкой со стола
Божий день к губам прилип.
Ходит в угол из угла
Город мой по рёбрам лип.
Носит воду решетом —
Ни утешить, ни унять.
В каменном его пальто
Меж вещей найди меня.
Отогрей и спрячь в дому,
Никому не отдавай!

[Город катится во тьму,
Как свихнувшийся трамвай].

ОЖИВАЕТ ТИШИНА

Вера АКСЁНОВА,
п. Сибирцево Приморского края

* * *

Жизнь моя моею быть должна –
Грустная, смешная, никакая,
Только у меня она одна,
С нею улетаю в облака я

Или камнем скатываюсь вниз,
Головой отчаянно рискуя.
Я сама свою построю жизнь,
И... сама себя покритикую.

* * *

Ясноликая луна,
волоокая,
Неба синь и глубина
с поволокою.
Тучи тёмной пеленой
надвигаются,
Ночь тягучей тишиной
наполняется.
И на сердце та же муть –
грусть липучая.
Ни забыться, ни уснуть –
думы мучают.
Студит душу горький лёд
сожаления.
За несбывшийся полёт –
искупление.

* * *

Я совсем о возрасте не думаю.
Счёт своим годам вести
бессмысленно.
Я благодарю за всё судьбу мою,
Счастье жить дано мне –
в этом истина.

Радости, тревоги, огорчения –
Было всё. И будет, пока живы мы.
В нас самих и гибель, и спасение,
Захотим – и сможем
стать счастливыми.

Счастье не в хоромах
и не в сладости.
Щедрая душа –
источник радости.

* * *

Да при чём здесь какие-то
правила,
Темы, образы, стиль и герой?
Просто сердце однажды
заставило
Осторожно взять в руки перо,
И холодной ненастной
полночью
Пролились на бумагу слова.
Для души те слова стали
помощью –
И жива я осталась... Жива!..

* * *

Прогремел Илья-пророк
колесницею.
Села осень на порог
рыжей птицею.
Постучала клювом в дверь
и растаяла.
Яркий отблеск от потерь
мне оставила.
Я не стану воевать
с горькой памятью.
Буду жить да поживать
в снежной замяти.
Вспыхнет на небе звезда
и сверкнёт в окне.
И когда-нибудь судьба
улыбнётся мне.

* * *

Под вуалью листвы
шелестящей
Осень тихо бредёт по аллее.
В нитях солнечных пут,
в самой чаще
Гроздь спелой рябины алеют.
Золотая пора листопада
Светлой грустью вошла
в наши души,
Лёгким ветром печального сада,
Нежной песней.
Ты только послушай...

* * *

Всеми позабытая деревня.
Старые, осевшие дома,
Грустно шелестящие деревья...
На пороге – властная зима.

Где-то далеко осталось лето
С пышным разноцветьем
на лугах.
Спит, осенним солнышком
согрето,
Озеро в унылых берегах.

И пылают окна на рассвете,
Словно кто зажёт в домах
костры.
Здесь кипела жизнь,
играли дети.
А теперь – заросшие дворы.

* * *

Нотным станом провода
Протянулись вдоль дороги.
У забора – лебеда
И ромашки-недотроги.
В белой пене лепестков,
Как пылающие свечи,
Бьются трепетно, легко
Золотистые сердечки.
Оживает тишина.
Ветер шепчется с листвою.
И такая глубина
Синевы над головою!

* * *

Разведу возле дома костёр
И сожгу всё, что дорого было.
Старых писем пустой разговор
И стихи, что когда-то любила –

Всё сгорит в ненасытном огне
С тихой скорбью
несбывшейся песни.
И мелодия чуда во мне,
Словно Феникс из пепла,
воскреснет.

НЕЗРИМАЯ ЛАДОНЬ

Евгений ЧЕКАНОВ,
г. Ярославль

КАРА

От кары Господней
 никто не уйдёт,
Пусть поздно, но будет расплата.
Ответят однажды и град, и народ
За грех, совершенный когда-то.

Ответят за всё...
 Но поймут ли они,
Что им посылается кара,
Что смысла полны
 и блокадные дни,
И стоны из Бабьего Яра?

ДЕТСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Сверкнула краткая зарница,
Дух свистнул из-под топора!
Как белый факел, бьётся птица
В сухой пыли среди двора.

Порывы к жизни тело мучат
И крылья бьют земную твердь.
А голова кричит беззвучно,
Со страхом вспоминая смерть.

ИЗГНАНИЕ БЕСОВ

Не зря их рать визжит и воет:
Им не забудут ничего...
Будь наготове астероид –
Я подарил бы им его.

И так бы рёк: – За прегрешенья
Вам на Земле прощенья нет.
Освободите нас от мщенья –
Бегите с лучшей из планет.

РАННИЙ УХОД

Для неё – не трагедия,
Для меня – не беда.
Ухожу на рассвете я,
Сам не зная куда.

У ворот палисадника
Обернёт голосок:
– Мама, где же наш дяденька?
– Он приснился, сынок!

* * *

Поцелуешь на зябком перроне
И уйдёшь в нескончаемый
 дождь...
И возникнешь в плывущем
 вагоне,
И с улыбкой рукою махнешь.
И под властью спокойного
 взгляда
Я замру у ночных фонарей.
Ты умнее. Ты знаешь, как надо,
Чтобы боль проходила скорей.

* * *

Вновь приеду я к папе и маме,
Вновь замечу,
 как в прошлые дни:
От приезда к приезду, рывками
Беспощадно стареют они.

Пригляжусь – и как будто
 всё те же
Дорогие мои старики.
Жаль, что езжу всё реже и реже...
Всё больнее, всё резче рывки...

ХВОРЬ

Всё даст Господь: любовь,
 победу, друга,
Всё, что цветёт на поле бытия.
Твоё сомненье – это род недуга,
Всего лишь хворь постылая твоя.

Так излечись! И черпай полной
 мерой
Из закромов желанья своего.
Но для начала – в Господа уверуй
И попроси здоровья у Него.

ВЕРНУЛАСЬ

Пожила у людей – и вернулась.
Вместо внука – коту привезла.
Те же родинки. Та же сутулость.
Лишь улыбка сгорела дотла.

Ладит с отчимом.

 С матерью ладит.
Только чаще глотает свой дым
Да коту привезённого гладит
И купает. И плачет над ним.

ЖЁЛТЫЙ ДОМ

Пиши стихи, а то сойдёшь с ума.
Мир против нас,
 пора запомнить это.
Мир строит сумасшедшие дома
Для каждого артиста и поэта.

Не дом ли жёлтый –
 тот, где я живу?
Кругом замки, решётки и ограды,
И все о чём-то грезят наяву,
Произнося бессвязные тирады.

И все твердят, что эта кутерьма
Куда дельней, чем сцена
 или лира.
Пиши стихи! А то сойдёшь с ума –
И станешь ими.
 Станешь частью мира.

* * *

Простимся, грубая душа!
Кури судьбу в других берлогах.
Не поняла ты ни шиша
В моих метаньях и тревогах.

Ищи таких же, как и ты –
Исчадий жизни неопрятной,
Чтоб с ними тлеть до темноты,
До грязи пепельницы смрадной.

НЕЗРИМАЯ ЛАДОНЬ

Забуду в толкучке крошечной,
Что здесь Ты... Но вмиг узнаю,
Когда на судьбе своей грешной
Вдруг чувствую руку Твою,
Когда через всю ойкумену
Примчусь на манящий огонь –
И бьюсь о незримую стену,
Как будто о чью-то ладонь.

ИРОНИЯ В УСМЕШКЕ...

Валерий КУЛЕШОВ,
г. Владивосток

* * *

Свободен – и, свободу возлюбя,
шагаю в лес сквозь солнечные
блики,
свободней, чем желанье
воробья
сказать «чив-чив» иль вовсе
не чирикать.
И так живу – свободней всех
ветров,
вольнее чайки, реющей
над морем.
Люблю хотеть. А коль хочу –
готов
дружить с душой и телом,
а не спорить.
Хочу пюре – сварю себе пюре.
Хочу общаться с Музой – вот,
общаюсь.
Душа захочет мая в декабре –
хоти, коль хочешь,
я не запрещаю.
А коль захочет плена?
Что ж – хоти.
И я звоню беспечной
и пригожей:
«Свободна ль будешь ты
после пяти?..
Свободна! Да! И я свободен
тоже!»

* * *

Влюбиться и, увы, – влюбиться...
И разлюбить, чтоб нудно, долго
терпеть удел – любимым быть
под беспощадным оком долга.
Сбежать. Помучиться виной
за этот шаг неблагоприятный.
И осушить бокал с вином
за счастье снова быть
свободным
влюбиться...

* * *

С.Л.
Услышал в трубке телефонной
я голос женщины.
Бездонно
позванивала нежность вдалеке.

Там эхом одиночество металось,
и от него, казалось, трепетала
её душа, как птенчик на руке.

При встрече я смотрел
ошеломлённо
в черты лица красавицы,
прожжённой
в горниле жизни, в опыте
страстей.
Ирония в усмешке и во взгляде,
таком красноречивом,
что осадит
любую обольстительность
речей.

С неё ваять бы женскую
двуличность.
Но не успел: заспорили
о личном;
вечерний бриз пропел
над головой;
потом её и трепетность, и опыт,
прожжённость, нежность,
грустный смех и шёпот
смешались в волнах ночи
штормовой.

ДЕВКИ

За окнами зима да вьюга.
Зато в избе такой уют!
Три старых бабки, три подруги,
пьют самогонку и поют.
Всё про любовь поют,
про счастье.

И шутят – Господи, прости!
Какие пережиты страсти!
Какие пройдены пути!
Рука корявая проворно
хозяйничает над столом.
– Ещё по стопке, девки, дёрнем,
а там, глядишь, плясать пойдём.
– Эх, Марья, нету гармониста,
а наших всех взяла война...
– Да брось ты, Дарья,
мучить жизнь-то,
всё отгорёвано сполна...
И снова девичьи припевки,
и вновь беззубый, добрый смех.
Эх, на деревне были девки,
да постарели как на грех!

* * *

Мать не понимает меня,
жена не понимает меня,
и дети не понимают.
И не поймут, что не понимаю,
потому что их всех понимаю я.

* * *

Коль правых дел невпроворот
и одолеть их нету силы,
свершите левый поворот –
идите к женщине.
Когда вся жизнь мрачней
могилы,
похож на саван белый свет,
и соловьи поют уныло –
идите к женщине.
Когда же к ней дороги нет,
но плохо ей – найдите силы:
ценой каких угодно жертв
придите к женщине!

ОТТЕПЕЛЬ В ЯНВАРЕ

Ты забрела в безлюдный сквер,
стряхнула снег с озябшей вербы,
из-под ладошки глянув вверх,
вдруг улыбнулась.

И на небе
случилось что-то. Солнца там
вмиг оказалось слишком много.
Оно разлилось по кустам,
сугробам, крышам и дорогам.
Этюд весны взялась капель
исполнить весело, стаккато.
По-воробьиному запел
невдалеке забор дощатый.
Не ведая про календарь
и про вселенские кульбиты,
коты с ума свели январь,
затаяв мартовские битвы...
А ты уже...

под вешний звон
тайком направив тучи с юга,
натягивала капюшон,
чтоб вновь на жизнь
обрушить вьюгу.

Валентин РАСПУТИН

«ГЛАВНУЮ НРАВСТВЕННУЮ РОЛЬ СЕЙЧАС ИГРАЕТ ЖЕНЩИНА»

Интернет-журнал «Парус» (http://www.hrono.ru/proekty/parus/rasp_parus.php)

– Очень много споров возникло по поводу Вашей повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Некоторые критики даже сочли ее призывом к самосуду. Скажите, читали ли Вы эти публикации? Отчего, по Вашему мнению, могли возникнуть такие резкие суждения?

– Критику я читал не всю. Самая лучшая критика – это письма читателей. После выхода повести я стал получать от них много откликов. Конечно, я подозревал, что такие споры будут. История-то эта в чем заключается: наших убивают, над нашими издеваются; что хотят, то и делают – как в высших эшелонах, так и в низших, а безвинные страдают...

– Как Вы думаете, почему так извратили Вашу идею? Почему не поняли? Вот филолог из Иркутска (не буду называть имя) говорит, мол, получается, что все можно – выходи и режь своих обидчиков?

– Здесь все просто – это так называемые либералы. Мир наш разделился на две части, даже больше, чем на две. И «критик», о котором вы говорите, принадлежит к одной из частей. Если бы подобную повесть написал кто-то из них, то они подняли бы шум: как это можно нашего брата... Но написал-то я – и написал, может быть, даже неплохо. Вообще, повесть сочинялась десять лет, с перерывами; я чувствую и понимаю сам, что это не лучшее мое произведение, но раз я «тянул» ее столько времени, значит, это было мне нужно.

– В повести Вы возвращаете нового сильного русского человека, который смог бы противостоять сегодняшней торгашеской жизни. Это Иван. А каким Вы видите его сегодня?

– Понимаете, я бы хотел взрастить такого человека, но плохо получается. И, пожалуй, уже не получится. Сильный у нас тот, кто с деньгами. Я много этим занимался, и писал, и с премьер-министром говорил на эту тему, но он полностью на их стороне, – на стороне обогатившихся от нынешней власти людей.

– Алексей Шорохов в статье («Русский вопрос», «День литературы», 2004, № 1 – Ред.) пишет о том, что как раз такие Иваны смогут спасти Россию, он верит, что сегодняшние Иваны воспитают в своих детях ту чистоту и силу духа, на которых твердо стоят сами.

– Дай бы Бог. Спасибо ему, спасибо. Потому что сам я в последнее время как-то... потерял надежду. Практически ничего не читаю – в основном, смотрю телевизор. Страшно становится: принимаются законы, прямо направленные на то, чтобы погубить Россию. Больше всего меня удивляет и устрашает сегодняшнее положение в сфере образования.

Поначалу казалось, что это я заблуждаюсь, думал, что придет время и все станет на свои места, а теперь вижу: все делается сознательно. Есть, конечно, пример МГУ: ректор – мужественный человек – выступил категорически против единого госэкзамена... Сейчас я уже почти перестал заниматься этим вопросом. Но у меня большая переписка с преподавателями – и все они против ЕГЭ.

– Валентин Григорьевич, могли бы Вы меня, молодого читателя, сориентировать в современной литературе? Кто сейчас продолжает классическую традицию?

– Для меня это трудный вопрос, потому что я, как уже говорил, почти ничего не читаю. Но знаю, что традицию эту продолжают номинанты литературной премии «Ясная Поляна». Приезжают такие писатели и к нам, в Иркутск, на праздник русской духовности и культуры «Сияние России». Среди них есть действительно талантливые и достойные авторы. Однако многие, увы, постепенно склоняются... к зарабатыванию денег. Ведь напишешь серьезную книгу – она и будет простаивать на полках магазинов, потому что нет спроса. Вот и учатся писать так, чтобы угодить современной публике.

– Значит ли это, что классическая литература умирает? Вот ведь в XX веке одновременно жили Чехов, Горький, Куприн, Бунин, потом Шолохов. А сейчас?

– Умирает, умирает. Протянет еще лет двадцать – и умрет во всем мире, даже там, где классическая литература родилась гораздо позже.

– А в России, может быть, это связано с тем, что она духовно надорвалась?

– Надорвалась, изменила себе. В войну есть нечего было, а читали. Моя мать работала на почте, туда привозили книги на продажу. И я читал эти книги, и не я один – очередь стояла. Даже тогда – в войну и сразу после нее – заботились о том, чтобы люди не забывали литературу, присылали лучшее.

– Не кажется ли Вам, что сегодня существуют как бы две литературы: одна, очень небольшая (буквально два-три автора), продолжает классическую традицию и остальная – грязная, поверхностная псевдолитература?

– Ну, конечно, кажется. И не только кажется, а так оно и есть. Это было сделано сознательно. Перестали широко издавать нравственные книги, чтобы проталкивать ту «литературу».

– Как Вы думаете, каков он, сегодняшний человек? И кто сегодня герой в литературе: вор и убийца, которого показывают по телевизору?

– Нет, в человеке много хорошего. Даже в Москве – много хорошего. Но это, правда, особый круг людей. В провинции тоже есть такой круг. В деревню поедешь: пьют все, а народ-то хороший. Нутро-то осталось. Поговорить приятно, все понимают...

– Так почему же писатели не находят в народе эти золотники и не показывают их? И где тот, кто сегодня напишет «Записки охотника»?

– Если говорить обо мне, то я не осилю. А другие? Я знал немало достойных русских писателей, но многие перешли на другую сторону – и перешли уже давно...

– При чтении Ваших повестей создается впечатление, что Вы находите сильных и смелых русских только среди женщин, а где же мужики?

– По всей видимости, мне помогло разглядеть эту тенденцию моё чутье. Я поначалу посмеивался, думал, женщина она и есть женщина. Она, конечно, всегда спасала, но не ставь же ее впереди мужика. А вот – она уже впереди. Везде, где инициативу на себя берет женщина, у нее все получается. Она умеет работать, знает, что и как нужно делать.

– А почему в последней повести Анатолий, муж героини, на втором плане?

– Он уже не мужик.

– Но рядом с такой женщиной он, наверное, должен быть достоин ее? Все же когда-то он ее выbral, и она согласилась пойти с ним по жизни.

– Это она его выбрала.

– Как, на Ваш взгляд, молодой человек может сохранить сегодня нравственную чистоту? Мне кажется, что религиозность в традиционном понимании привить будет уже сложно, но как еще можно воспитать человека в христианском духе?

– Для молодого человека это было бы не трудно, но почему-то не получается. Вот я наблюдаю, особенно в Москве, в храме не только пожилых людей, но и молодежь. Старики во время молитвы целиком пребывают

там, а молодые... они всё-таки – здесь. Они знают всё, что необходимо знать, но всё ли принимают в себя? Я сомневаюсь. Есть, конечно, и сейчас хорошие православные школы. Но в религиозном чувстве появляются «дыры», сквозь которые проваливается многое из того, что требуется православному человеку.

– А почему образовались такие дыры? Ведь мы всегда были православной страной. Советский Союз выдернул нас из собственной шкуры?

– Нет, нет. Советский Союз – дело десятое. Это началось с середины XIX века, уже тогда православный человек был не совсем православный. Об этом писали все наши классики. И того, что случилось потом, нельзя было избежать.

– Как Вы считаете, почему сегодня мы потеряли чувство Родины? Ведь патриотизм у нас сводится к каким-то примитивным вещам, вроде боления за нашу сборную по футболу. Почему в нашей стране появилось столько душевно и национально погибших людей, у которых нет ни Родины, ни веры?

– Потому что они были поставлены в такие условия. Отсутствовали условия для продолжения той патриотической линии, ведь для этого надо было всего себя отдавать. А мы не хотели отдавать себя целиком. Мы выходили митинговать, но для того, чтобы получить работу, деньги, что-то еще, но не Родину. Россию мы продали еще тогда, в ельцинские времена. А после этого выход найти уже не получилось. Препятствие-то люди действительно стояли за себя, за свободу свою. А сейчас какая свобода? Хлеб? Но дело-то ведь не в хлебе, как оказалось. Дело в душе, в отношении к России. Во время войны это отношение было удивительным. Сегодня многие едут учиться за границу – это не просто изумляет меня, это ужасает. Никто не хочет продвигать свою страну, свое образование. Все стремятся отсюда уехать.

– Перед войной патриотическое чувство было на пике. А с чем это связано? Может быть с тем, что человек был крепко спаян с землей, а сейчас он от нее оторван?

– В первую очередь, конечно, это. Последний удар по земле пришелся на девяностые годы – это был страшный удар. Можно ли его возместить? От России осталось одно понятие. И то – с издевочкой. Разве прежде такое было возможно? Сегодня, я знаю, собираются люди, читают книги (не только мои), размышляют о том, что происходит в России. И это, в основном, опять-таки женщины. Мужики там бывают, но редко. Все это, правда, пока только разговоры, раздумья. Надо действовать, а действовать должны мужики. Но мужики ищут, где больше заработать, где лучше устроиться. Перевернулось все. Главную нравственную роль сейчас играет женщина.

Беседовала **Ксения ЗИМИНА**, студентка пятого курса Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Разговор состоялся в Иркутске летом 2010 года.

ИСКОРКА НЕЖНОСТИ

Марина ЗАЙЦЕВА,
г. Корсаков, Сахалинская область

НА ОТЪЕЗД ПОДРУГИ

1

Из привычного круга
Центробежные силы
Выбивают стремительно,
Словно атомы, нас.
Уезжает подруга
Далеко из России,
И украдкой слезинки
Смахнули мы с глаз.

Круг незримо вращается,
Скоростей не сбавляя,
Унося наши дружбы,
И любовь, и мечты.
И друзья не прощаются
Навсегда – уезжая...
В нашем сердце их место
Остаётся пустым...

И ничем не заполнится,
И никем не заменится –
Только искорка нежности
Будет тлеть без конца.
И ночами из Космоса
Нам черты их мерещатся, –
Но в кромешных Туманностях
Не рассмотришь лица.

2

Расставания власть
непреложна.
И нельзя ничего изменить.
Хоть канатом вяжи –
невозможно
Удержать, отменить, запретить.

А слова «о земле и отчизне,
О родных и друзьях» –
всё ничто.
Есть судьба. И есть линия жизни.
Не прервёт эту данность никто.

Уезжаешь ты без сожаленья,
Лишь мечты в багаже увозя.
И в порывистости,
в устремленье
Ты не здесь – уже в будущем вся.

Безоглядность твоя
мне знакома,
Эта жажда – взхлёб! – новизны.
Я на время стремилась из дома.
Только ты – навсегда. Из страны.

* * *

Вновь тепло торжествует где-то.
Я с ума схожу «в ностальжи».
Ты в своё забери меня лето –
Для спасенья моей души.

Время катится ближе к маю.
Там черёмуха – вся в цвету.
По сугробам по пояс гуляю –
Здесь неделю метели метут...

Тополь выпятил чёрный остов –
Так морозы его обожгли.
На денёк хоть, на Русский остров
Увези меня, забери!

Я не жду твоего ответа.
Ничего мне не говори.
Пляж на Шаморе в раме лета
Мановением рук сотвори!

* * *

Я всё ближе
к маминому дому, –
И душа от радости поёт.
Ласточкой скользнул
к аэродрому
Наш слегка уставший самолёт.
На бегу –
поклон Владивостоку,
И домой скорее,
в Партизанск!
Ты меня встречаешь издалёка,
Городок – зелёные глаза.
Тополя

в темно-зелёных фраках
Чопорно приветствуют меня.
И черёмух заросли в оврагах
Горьковатой свежестью пьянят.
ЛЭП высоковольтным
баритоном

Сдержанно –
«С приездом!» – говорит.
И сирень у маминого дома
Радостным смущением горит.
Здравствуй, мама!
(Током в сердце – жалость...)
Залегли морщинки глубоко.
Тельцем ко мне худеньким
прижалась
И за сердце
держится рукой.

ЭЛЕКТРИЧКА «ПРИМОРОЧКА»

*«Все дороги ведут в Рим»
(древнее изречение)*

На Бархатной купив билеты
в кассе,
В «Приморочке»*
мы едем в первом классе –
Ведь до Владивостока,
словно птица,
Всего за три часа она домчится.
Нас всю дорогу
дождь сопровождает,
А здесь уют, ничто не досаждаёт.
Мороженое, прессу,
«колу», пиццу
Радужно предлагают
проводницы.
За окнами меняются пейзажи:
Долины, горы,
деревеньки, пляжи...
В компании попутчиков весёлой
Я пиццу ем и запиваю «колой».
Вот замелькали домики
предместий,
Платформы, санаторные ограды,
Залив Амурский плоский,
цвета жести,
И арки-виадуки автострады...
И мимо кораблей в Золотом Роге
К вокзалу подъезжаем –
точно к сроку.
Выходит, в Рим не все ведут
дороги...
Они ещё ведут к Владивостоку!

* фирменный электропоезд
Владивосток - Находка

ПРИНЦИП РАВНОПРАВЬЯ

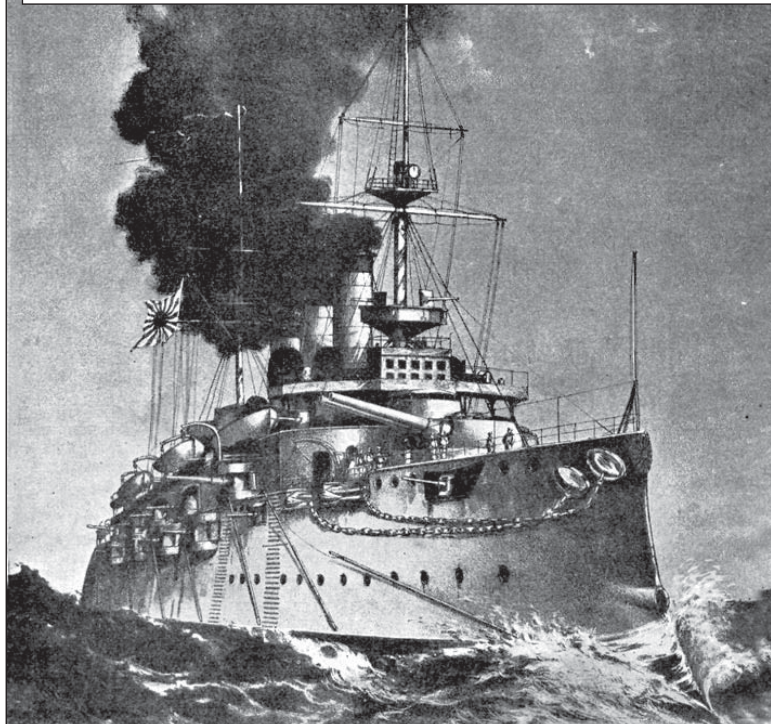
Олег МАТВЕЕВ,
г. Владивосток

Двух друзей погубила война
Той далекой блокадной порой –
Зло ощерясь, швырнула она
Две судьбы под осколочный вой.
Пали парни за Родину-мать,
За родной с детства им
Ленинград,
И остались навек здесь лежать,
И без них был Победы парад.
А две мамы в печали своей
Посадили одна за другой
На могилках своих сыновей
Две березки победной весной.
И ходили проведать детей,
Прижимаясь к шершавым
стволом,
И березки руками ветвей
Нежно гладили стареньких мам.
Сколько сказано здесь
горьких слов,
Сколько слез
безутешных лилось,
Сколько было
рассказанных снов,
Сколько боли из сердца рвалось!
...Я, вернувшись спустя
много лет,
Попроведать то место пришел –
Еле-еле в траве тропки след
К двум березам белевшим
нашел.
Знать, остались ребята одни...
Я, деревья обняв, постоял.
«Не горюйте! Пусть в редкие дни,
Но я с вами побуду», - сказал.
Тяжело им, что матушек нет!
Потому, может, с грустью-тоской
Каждый раз
что-то шепчут мне вслед
Две березы – два друга –
листвой...

...друзьям, познавшим
«кубинский кризис» в
отсеках своих подлодок
...А мне не надо
серебра и злата –
Предшественников горя и беды;
Мне б посидеть
у звонких перекатов,
Пленяясь говорком
речной воды.
...А мне б забраться
на вершину сопки,
Где дух захватит от красот окрест,
Где первый луч зари
окрасит робко
Над скитом древним
потемневший крест.
...А мне б упасть
в прохладу разнотравья
Под звонкий щebet
беспокойных птах

И, соблюдая принцип
равноправья,
Немного поваляться в облаках.
...А мне бы от костра
взлететь искрою
И в звездных затеряться бы
мирах,
Где поманил меня бы за собою
В неведомую даль
Чумацкий Шлях.
...А мне бы слушать,
как дожди косые
Шуршат по крыше старого
зимовья
И как поет сверчок
в ночи простые
Куплетики в щели у изголовья.
...А мне бы целовать
родные губы
И милую б свою обнять за плечи,
А не бродить в глубинах
возле Кубы,
Тоскуя о России в этот вечер!

Японский флот. Эскадренный броненосец «Шикисима»,
принимавший участие в нападении на Порт-Артур

МИР С НОГ НА ГОЛОВУ ВСТАЁТ

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск

АПРЕЛЬСКИЙ СНЕГ

Апрельский снег, чернея,
стаивал –
Преображалась твердь земли.
Уже задиристыми стайками
Купались в лужах воробы.

И угловато-длинноногие
Спешили школьницы в кино...
Всё повторялось, как мелодия,
Забытая давным-давно.

Как будто зеркало старинное
Мне тайны выдало свои
И ту весну неповторимую
Смогло внезапно повторить.

Но с каждым годом
всё отчётливей,
Уже без розовых очков,
Я видел мир неперевернутым
В призывном стуке каблуков.

СУББОТНИЙ ВЕЧЕР

Сумрак кажется светлей,
Снегом прибрано подворье.
Топит баню дед Матвей –
От любой спасает хвори.
Эка вон вчера светло
Лужи по дорогам талым!
Тянет к вечеру в тепло,
Где дымятся щи с наваром.
И в избе, куда ни шло,
Хорошо за самоваром...
Спит усталое село
После бани.
С лёгким паром!

* * *

Одержимый,
так в чём же твоя правота?
Слышишь,
ветер тревожные вести
разносит:
Здесь – загублена честь,
там – убита мечта.
Только горе с тоской
твои вечные гости.

Видишь, небо,
багровым туманом дыша,
Предрекает грозу
и чудовищный хаос.
Для чего ты бравируешь
словом «душа»,
Если тело давно на земле
распласталось?

ТАК ПРОЩЕ

Когда поймёшь,
что всё без толку,
Влезая в баснословный долг,
Забросишь челюсти на полку
И рот закроешь на замок.

Себя обманывая чаще,
Чем горожан прогноз погод,
Положишь на сердце щадяще
Мечту на следующий год.

Да, так оно гораздо проще:
Молчи, не думай, не дыши.
Лишь ветерок любви полощет
Над бездной краешек души.

ФОРТУНА

А.Самандину

Так о чём же писать?
Нам давно приговор отпечатан.
Это прошлого груз
или память сама не своя?
В полночь города мрак
в горле улиц топорщится
кляпом

И скрипит на ветру
указующий перст фонаря.

Не тебе и не мне
улыбалась красиво фортуна.
Разве этого ждёшь,
если знаешь, что выхода нет?
Сколько долгих ночей!
Но об этом не надо и думать.
Ты живёшь – значит, есть
на заветную тему запрет.

ОБЕД

Я преднамеренно не взял
Из багажа мыслишки новой.
Глупее выдумать нельзя –
Обед в редакторской столовой.

Но, взглядом неким окрылён,
Под звон летающих стаканов
Я в транс впадал, как будто в сон,
Среди лысеющих гурманов.

Отнюдь, обиды ни к чему.
Фиалково цвели салаты...
Не кофе пил я, а «Камю»,
Твоим присутствием распятый.

НЕДОСУГ

Зима, суровая зима.
Не лает пёс из подворотни.
Читаю «Горе от ума» –
Никак не дышится свободней.

Читаю Лермонтова вслух
«Белеет парус одинокий»
И понимаю – недосуг
Читать классические строки.

Мир с ног на голову встаёт,
И между «да» и «нет» –
пространство,
В котором всё наоборот.
Вот здесь и кроется коварство!

Луна скатилась за дома.
В такую ночь тревожно духу...
Не дай мне, Бог, сойти с ума –
Да видит глаз, да слышит ухо.

* * *

Сад в цвету, черёмуха у дома,
Облака – сплошное молоко.
Может быть,
с тобой мы незнакомы,
Час желанной встречи далеко?

Ворошит солому ветер южный,
Май по-небывалому горяч.
Разве я такой кому-то нужен –
Сам себе и жертва, и палач.

НИЧЕГО НЕ ПРОПАДАЕТ ДАРОМ

Вера ГУНДАРЕВА,
г. Артём Приморского края

* * *

Листопад заморозил,
Чью-то голову вскружил.
Чьи-то нежные слова
Закружились, как листва.
Лес теряет свой наряд.
Листопад...

* * *

Минули времена плаща и шпаги.
Настали дни марания бумаги.
О рыцари! Наивная мечта!..
Не ваша ль виновата доброта,
Что подлеца
нельзя убить на месте
В защиту чести?

* * *

Мир без любви
не стоит ни гроша,
Его любому я отдам за так.
Влюблённая в тебя поёт душа,
А ты ногой пристукиваешь в такт.

* * *

Мне говорили: «Ну, держись!
Сегодня будет путь неблизкий».

На кой мне чёрт такая жизнь,
В которой нет ни капли риска?

* * *

Мне голову морочат демагоги.
Так много слов, а дела нет – увы.
Ах, унести б от жизни ноги,
Не потеряв при этом головы!

* * *

Мы играем против правил.
Созидая, рвём и рушим.
Поначалу землю травим,
Ну а после – травим души.

* * *

Мы о любви боимся говорить,
Чтоб не спугнуть ее очарованье,
Хотя готовы сердце подарить,
К ногам любимым
бросить мирозданье.

* * *

Мячами с горки катятся года,
Сбываются нелепые
пророчества.
Не в том беда, что я не молода,
Досадно мне,
что старость тоже кончится.

* * *

На заливе рыхлый лёд.
Как засахаренный мёд.
Рыбаки сидят на льду,
Словно мухи на меду.

* * *

На что же потрачены годы?
Учёба. Работа. Походы.
Работа. Работа. Семья.
Родители, дети, друзья.
Как пух тополиный, легки,
Все годы ушли на стихи.

* * *

Невелико, пожалуй,
достиженьё –
Жить на земле,
о чём-то беспокоясь.
Подняться вверх
мешает притяженьё,
Упасть на дно
не позволяет совесть.

* * *

Не верьте снам.
Их лёгкие спирали
Уносят иногда в такие дали,
Откуда ни вернуться,
ни вернуть...
Не верьте! Невесомые тенёта
Окажутся ловушкой для кого-то
И навсегда захочется уснуть.

* * *

Некто ринулся в поэты...
Зря надеется народ.
Если Некто канет в Лету,
Он обратно не всплывёт.

* * *

Не откуплюсь стихами
даже лучшими,
В житейскую не спрячусь суету,
Когда беда –
охотница за душами –
Собьёт меня, как птицу на лету.

* * *

Не смотри ты с укоризной,
Понимаю я сама:
Седина – совсем не признак
Несомненного ума.

Даже мой почтенный возраст –
Не указ и не печать.
Седина – ещё не повод,
Чтобы младших поучать.

* * *

Ничего не пропадает даром.
Даже слово,
брошенное вскользь,
Вдруг в душе
безжалостным пожаром
Через бездну лет отозвалось.

НОВОВВЕДЕНИЕ

Вход свободный, выход – нет.
Выходной купи билет,
И тогда из проходной
Ты уйдёшь на выходной.

* * *

Он не боялся дразнить судьбу
И все печали видал в гробу.
Судьба не любит, дразнили чтоб,
И уложила беднягу в гроб.

Теперь не спорит
с судьбой чудак.
Другим наука? Как бы не так!

* * *

Оставила мужа совсем одного,
Тебе хорошо, а ему каково?

РЕЖИМ НАИБОЛЬШЕГО БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ

Вита ШАФРОНСКАЯ,
г. Псков

«...да, мы жили в тоталитарном государстве, но мы слушали Ростроповича, Рихтера, в нас воспитывали эту могучую тягу к мировой культуре и, между прочим, давали неплохое образование...».

*Дина Рубина. Из рассказа
«А не здесь вы не можете не ходить?!»*

Некоторое время тому назад я довольно долго и под любыми убедительными предложениями отрещивалась от проведения небольших получасовых экскурсий для школьников восьмого-девятого классов. Как-то хронически преследовали нечаянные наблюдения – как это происходит. И естественно, поскольку выводы вырисовывались один другого «краше», вялые проблески малейшего любопытства, робкой мысли: «может, попробовать?», мгновенно гасли. Как-то не внушала никакого оптимизма шуршащая, говорливая, обращённая только на себя горстка тинэйджеров.

После первой же (куда ж деваться!) экскурсии сразу приходишь к неутешительному выводу: им твои адаптированные (облегчённые) рассказы НЕ НУЖНЫ. И крупницы богатейшей Истории, питающей, поддерживающей их слабые, перекошенные представления о ценностях нашей жизни, – НЕ НУЖНЫ. И сама История, с которой они, в сущности, совсем ещё дети, защищённые и охраняемые ею (не подозревая об этом), живут бок о бок, постепенно срастаясь с ней – тоже НЕ НУЖНА. Смешно, должно быть, выглядели безуспешные просьбы выключить мобильные телефоны и сделать над собой усилие **послушать... помолчать...** Они и знать не знают, сколь важны для них в будущей взрослой жизни эти две несложные привычки. Поначалу оправдываешь бедных подростков, дескать, техникам-математикам (ребята были как раз из технического лица) да в какую-нибудь навороченную нанолабораторию попасть – вот где бы они примолкли, потрясённые и удивлённые!.. Вот где от души назадавались бы вопросов – не потому, что этого требует ситуация, а от нетерпения узнать, сопоставить, утвердиться в первых своих серьёзных предположениях, догадках, не без труда формулируемых их пусть пока ещё детским, но – как распорядилась Природа – склонным к анализу, пытливым умом!.. Однако насчёт пытливости я погорячилась, а теперь могу сказать с уверенностью: повторилась бы та же безрадостная картина поголовной незаинтересованности, пересыпанная односложными словцами-жаргонами, взглядами в никуда, пустым сленгом на фоне показушной расхлябанности в движениях, жестах, мимике. О такой важнейшей составляющей любого общения, как «глаза в глаза», даже и упоминать как-то неловко.

Но рассказывать-то надо! – и беседы, и экскурсии, и дискуссии, хотя бы на начальном, примитивном уровне, необходимы, глядишь, стронемся с места, постепенно приходя в себя от тревожного, почти забытого чувства стыда за своих стремительно вырастающих детей, не желающих знать ни на йоту больше, чем того требует ближнее, такое же несмыслёное окружение...

В мои школьные годы ещё встречались, и сравнительно часто, дети с поистине энциклопедическими знаниями. Они не лезли на рожон, не привлекали к себе внимания, но были способны невинным вопросом ввести в долгий ступор всё, казалось бы, знающего педагога или одной фразой «уложить на лопатки» грозного с виду спорщика-старшеклассника... Правда, почему-то именно они, эти «светлые головы», становились изгоями и объектами насмешек со стороны жестокой детской стаи середняков, которых всегда оказывалось значительно больше.

А сейчас где они, наши умники и умницы? Неужели только и осталось по субботам включать Первый канал, а чуть позже наведываться на СТС и, хронически отставая от суперговорливой ведущей, «прозёвы-

Вита ШАФРОНСКАЯ

вать» череду непростых вопросов, на треть из которых с ходу не ответить... А дети отвечают с завидной лёгкостью и уверенностью.

* * *

Совсем недавно в одной статье проскользнула цитата (за актуальностью она была немедленно выписана мною в дневник), очень точно характеризующая основную поведенческую модель нынешних подростков: **«Разболтанная, ничему не подчинённая речь мстит за неряшество. Утрачивается дисциплина ума, всё свободнее, всё откровеннее и подробнее те, что без царя в голове»***. Из опыта наблюдений я добавлю следующее: и разболтанная речь, и, в свою очередь, разболтанное, ничему не подчинённое поведение в кратчайшие сроки успешно формируют в ещё человеке животное начало. Начало, которое ввиду затянувшегося **«режима наибольшего благоприятствования»*** с годами только крепнет. Тут бы посоветовать на них, пубертатов-несмышлёнышей, да не получается: они максимально точно копируют **наши** действия, успешно применяя и оттачивая их в своей среде.

В статье, на которую я буду периодически ссылаться, речь шла о современной литературе. По сути, тема применима и к другой, не менее больной, но важной проблеме: как воспитать **человека**? Ещё одна выдержка: **«Выяснилось, что она (литература – В.П.) не терпит режима наибольшего благоприятствования. А теперь ведь и цензуры нет. Нет цензуры, и в магазинах всё есть»***. Но ведь, согласитесь, и в культуре общества тоже нет никакой цензуры. Есть культ навязанной со стороны (спущенной свыше) пресловутой «свободы человека», взрослого ли, нет – без разницы. Вот и ходят по городу с виду безобидные акселераты-малолетки (что розовые «эмочки», что страшные «готы») – таких ну-ка, рискни, задень! Вмиг махаться да ругаться начнут, с пеной у рта защищая свою невнятную свободу, права и что там ещё? Ах да, «личность», представления о которой имеют весьма и весьма смутные. Вряд ли сейчас в школах объясняют, что личность начинается с работы души. А их души, напичканные эмтивизными «КЛУБами», «Звёздной жизнью» и МУЗ-ТВшными «Блондинками в шоколаде» (и т.д. и т.п., несть числа этой нечисти!), не обладают ни силой внутренней, ни мужеством противостоять навязываемым «стандартам», не бояться быть собою, а не «как все». В итоге мы **уже** имеем то, что имеем: **«...можно видеть, включая телевизор, как охотно и быстро он (человек. – П.В.) оскотинивается»***. Вот и оскотиниваем «потихоньку-помаленьку, со ступеньки на ступеньку, по тропинке вкривь да вкось...» собственных детей. Детей, которые, если что пойдёт не «по их», уже в двенадцать-тринадцать лет могут позволить себе замахнуть на родителей (педагогов, прохожего), а то и обматерить. А дальше уж полшажочка до примитивной скотинки, потому что, как ни мудрствуй, а **«человек – отчасти животное...»*** Но животное, которому, по счастью, Богом щедро отсыпано талантов, и каждый волен распоряжаться ими на своё усмотрение. Или не распоряжаться вовсе. И

острый дефицит **«дисциплины ума»**, о котором в разных вариациях наконец-то, хоть и не часто, но заговаривают вслух на страницах «толстых журналов», – уже есть сложившееся, планомерно развивающееся тревожное явление, маятник с всё более угрожающе увеличивающейся амплитудой. Кто его хотя бы приостановит? Или нет, правильно было бы спросить: **что** его остановит?

Ответ мы, ещё помнящие глубинной, нестирающейся памятью младенчества и детства, знаем, чуть ли не с пелёнок. Знаем на уровне подсознания, бережно сохранившего отголоски бабушкиных колыбельных, сказок и присказок, своеобразных «ладушек» с прибаутками. Вспомните: **«Водичка, водичка/ Умой моё личико/Чтобы глазоньки блестели...»** или **«Сорока, сорока кашку варила, деток кормила...»** – на этой ласковой напевности, лиричности, сопровождавших первые счастливые годы настоящего детства, настаивалась душа маленького человека... За десятилетия, да что там – столетия, ничего не изменилось, кроме разве что самого языка, что отчасти обусловлено последствиями разрушительных преобразований последних двадцати лет. А также их **качеством, своевременностью, необходимостью** – что, увы, в большинстве случаев на поверку оказалось лишённым перечисленных характеристик.

Мы всё никак и не набалуемся заимствованными «экспериментами», кромсая и кромсая безупречно скроенную и раскрашенную предками ткань. Куда подевалось восхищение от прочтения сказок, былин, рассказов Пришвина, Бианки, Паустовского? Почему наши дети «глухи» к певучести родного языка? Почему их слух «не распознаёт» – оставаясь, порой на всю жизнь, ненастроенным – родные мотивы? Да потому, что мы собственноручно выковыряли из богатейшего наследия народной культуры чудом уцелевшие крохи самородков с самоцветами, а вместо них «заботливо» стразикив наклеили, успокаивая себя: дети – они же всегда дети, они так любят всё, что ярко блестит...

А вот здесь отступим.

За примером далеко ходить не будем, рассмотрим «стразик»-мониторинг. Или «стразик»-тест. Разница невелика. Поначалу, по свежести, действительно: и слова красивые, и многообещающие по значению, и перспективами (по итогам грантики дают!) радуют... О ближайших последствиях этих, с позволения сказать, «стихийно навязанных опытов», как-то не думалось, что ли? Ведь что в итоге имеет среднестатистический школьник (в особенности несчастный гимназист или лицеист)? – систематический, еженедельный (!) стресс, бог весть как отражающийся на неустойчивой психике и бьющий прежде всего по и без того аховому здоровью. А добавить в этому традиционные (и ведь куда более необходимые!) школы музыкальные, секции спортивные... Такими «стараниями» годам к тридцати, если не раньше, имея в активе солидный стаж неконтролируемых, мощных по наполненности «домашних» срывов и истерик, наши дети превратятся, **как минимум**, в хронических неврастеников. Неудивительно, что у них сейчас одно желание – чтобы

все, включая зануд-родителей, от них отстали. Добавлю от себя: школа периода 70–80-х годов XX века, которую *посчастливилось* (что это было именно так, я поняла постепенно, из года в год почти ежедневно лоя себя на сочувствии своему ребёнку, вынужденному без перерыва «галопировать» из п. «А» в п. «Б», потом в п. «В», чтобы везде успеть) окончить мне (отпустим детские беды), наша прежняя советская школа, несмотря на «идеологические завихрения», была куда милостивее к своим питомцам. Да и знали мы побольше без всяких навороченных «педагогических новаций», чаще оказывающихся элементарными «многоуровневыми пустышками», ненужным мусором. Педагогам и родителям, не зачерстившим душою окончательно, было бы нелишне прочесть статью **Льва Айзермана «Технология расчеловечивания»** (ж-л. «Знамя» №5, 2009 г.), произведшую на меня поистине угнетающее впечатление! Я не оправдываю повальный пофигизм современных школьников, их показное, часто «на грани» шутовство и нищенскую речь – мне жаль их. А в их пренебрежении, равнодушии, стремительно атрофирующейся тяги к Знанию виноваты прежде всего мы, взрослые. Опять – мы...

Неужели так сложно грамотно и, подчёркивая, с любовью и уважением к Будущему, организовать образование и воспитание человека? Без вымученности, без повсеместного шантажа годовыми и семестровыми оценками, без систематического, а иногда и публичного пристыживания непутёвых родителей, которые, виновны только в том, что их ребёнок – чистой воды гуманитарий (технарь)?.. Неужели только и осталось – с завистью оглядываться на призрачный позапрошлый век или начало прошлого: *«Учителя гимназии сами выбирали, как и чему учить, главное – раскрыть таланты учеников. Распространённая в классических гимназиях зубрёжка не признавалась (Боже, у нас она и распространена, и признана!.. – П.В.). Обязательных экзаменов не существовало. Увлечённость творчеством и учителей, и учеников (...) делала особенной обстановку в этой школе. Поэтому она была так дорога, памятна всем выпускникам, сохранявшим связь друг с другом десятилетиями...»*. Отсюда неутешительные выводы: либо у нас ещё не существует (не доросли) примеров классических гимназий или лицеев, либо мы и тут от души «нановаторствовали». Наверняка «хотели как лучше, а получилось...»

* * *

Помнится, в классе шестом или седьмом мы учили наизусть стихотворение в прозе Ивана Тургенева о русском языке. Посмеивались, коверкали на разные лады, самые ленивые откровенничались, но... рано или поздно – выучивали. Да так, что и сейчас, спустя почти тридцать лет, среди ночи подними, спроси – перескажем «от» и «до». И слава Богу, что перескажем, потому что спасительность тех слов теперь уже неотменима и очевидна. Спасительность в том смысле, что каждый раз, став свидетелем грубой, развязной речи, чувствуешь незримую защиту, проговаривая про себя как молитву: «...Не будь тебя, как не впасть в отчаяние при

виде того, что совершается дома...»

*Цитата: «Язык действительно – «наше всё»; различая оттенки смысла, которые он передает, мы развиваем душевные способности»**. У нас же нынче нет никакого различия между устной речью и письменной. Далеко ходить не надо, прогуляйтесь по городу, поездите в автобусах или почитайте (для сравнения) следующий ниже текст. Я намеренно сохранила его, чтобы при подходящем случае обязательно привести в пример. Для экономии места ограничусь перечислением словосочетаний, не изменяя их: «скуль-нибудь», «3000 тысячи», «имальевым блеском», «едвали», «жилая сохранить», «художественная монера», «по праву считается», «насклоне лет»... Ну как, впечатляет? И невольно с горечью думается: однажды, лет этак через ..цать, возьмет нечаянно наш потомок такой листочек, чтобы ознакомиться с сочинением праотца о художнике «Тропинене», да не на шутку призадумается, о какой такой «щастливой» жизни тот писал, «попроверяя носы и уминая рты», в период благословенной «пушкинской эпохи». И почему в его творчестве «фотоватые гитаристы», «дородные купцы и значительные садовники» «не всегда буквально следовали к оригиналу»?

* * *

И получается, что упомянутый режим наибольшего благоприятствования, может, где успешно применим и извлекается из него наибольшая польза, но только не у нас. Поскольку вместо «благоприятствования» помутнённое сознание нашего юного человека упрямо подставляет к слову «свобода» единственно понятный ему аналог – «гуляй, душа, твори что хочется!». И мало кто задумывается о том, что свободный человек обладает прежде всего **заполненным внутренним пространством**, годами, десятилетиями подпитываемым всё новым и новым знанием. Проще говоря, Культурой, от которой так упорно отмахивается активное большинство, начиная от сельского бюрократа и заканчивая столичным чиновником, и на которую уже не первое десятилетие урезается и без того хилый бюджет.

P.s.

Часто я спрашиваю себя: а что по-настоящему заинтересует и на каком языке будет изъясняться новое поколение, зачатое и рожденное под обещания материнского капитала? Или оно продолжит и улучшит «достижения» тех, про которых сегодня говорят «без царя в голове»?

И ещё: кому будут поклоняться эти люди, когда вырастут, – Богу или золотому Тельцу?..

* **Елена Невзглядова.** Человек за письменным столом. – Ж-л «Знамя», №12-08.

** **Борис Романов.** Вестник, или Жизнь Даниила Андреева. – Ж-л «Москва», №3-2009.

386 БОЕВЫХ ПОДВИГОВ

Дэв СИРАН,
пос. Углекаменск,
Приморский край

В 2010 году исполнилось 65 лет со дня окончания второй мировой войны, самой ожесточенной бойни в истории человечества. Каждый рассказ очевидца-участника этой кровавой мясорубки пробирает до костей. Об одном таком солдате, защитнике нашей России, и не только её, эта история.

Живет в Углекаменске (Северном Сучане) Ивлиев Алексей Федорович. Родился он в 1919 г. в нынешнем Волгограде. В двадцать первом году семья переехала в Пензенскую область, где Ивлиев А.Ф. окончил семь классов Чернозельской школы. Юношей поступил в Сызранский горно-нефтяной техникум.

С четвертого курса по комсомольской путёвке был направлен во Второе Чкаловское военно-летное училище. В мае 1941 г. окончил его в звании сержанта, по летной специальности «штурман». Через месяц, в июле 1941 г., добровольно попросился на фронт. Отправили на свой же аэродром учиться летать ночью на разных типах самолетов.

Зимой 1942 года Алексей с товарищами попадает на фронт, в Четвертую воздушную армию Вершинина. В Саратове получили самолеты ПО-2, или, как их потом называли, «кукурузники». В мирное время применялись они для опыления полей от вредителей и подкормки растений.

Для современной молодежи поясню. ПО-2 – самолет, тот же мотоцикл «Урал» или современный «Иж-планета», но приделаны крылья, обтянутые перкалем (спецматериал, пропитанный лако-красочной смесью). Вот и лети, открытый всем ветрам.

Служба началась под Москвой. Летали в основном на разведку и ночью на штурмовку передовых позиций противника. Вооружение на самолетах было слабое: пулемет да несколько бомб под крылом. Но немцы их очень боялись: о том, что над головой смерть, узнавали лишь когда начинали рваться бомбы. Летать приходилось много: на разведку, за ранеными, доставлять боеприпасы, к партизанам. Скорость у ПО-2 малая, но это давало возможность летать низко, маскируясь местностью – даже оврагами выходили в тыл противника. На таком самолете летчик и штурман-стрелок ничем не защищены от огня, и поэтому только мастерство и выучка и спасали. Да еще ненависть к врагу. Вот что рассказал Алексей Федорович о своей первой награде.

Вылетели на задание двумя самолетами. Надо было уничтожить железнодорожный мост через реку Лучесса, что между Оршей и Витебском, чтобы прервать движение составов с живой силой и техникой немцев на этом направлении. Бомбить мосты, в особенности железнодорожные, – дело неблагодарное. Разбил взрывом несколько шпал – тут же их заменили, и движение восстановлено, а попасть в мощные опоры – быки – дело очень сложное.

Задача стояла непростая – вывести мост из строя на как можно больший срок. К самолету подвесили две бомбы ТШ-100 (термитные, шариковые, по 100 килограммов). Маскируясь, зашли на цель со стороны противника.

Первым летел самолет, сбросивший две осветительные бомбы. Сделал он это прямо над целью. Немцы открыли огонь, чтоб сбить висящие «прожектора». Штурман Ивлиев скомандовал летчику лететь над «осветителями». Над мо-

стом сбросил две бомбы. Внизу полыхнуло так, что в самолете обдало жаром. Стало светло как днем, и немцы открыли по ним огонь из всех видов оружия. Конечно, со стороны это зрелище красивое: все небо в облачках от разрывов снарядов, в полосах прожекторов. Это по телевизору смотреть – эффектно. А тогда их самолет от близких разрывов бросало как пушинку. Им же ещё надо было развернуться и пролететь опять под ураганным огнем над мостом, чтобы сфотографировать результаты своей работы. При развороте, после съемки моста, самолет сильно трянуло. В правой плоскости крыла образовалась рваная дыра. Осколками ранило штурмана Ивлиева, но они продолжали уходить в свою сторону. Уже почти вырвались из разрывов, как ранило пилота в ногу. Самолет плохо слушался руля. Боялись, чтоб не попало в мотор: тогда – смерть! Они же были над территорией, занятой врагом. Еле-еле перетянули через линию фронта и едва ли не плюхнулись на поле. Им помогли выбраться из израненной машины и отправили в госпиталь, где и нашли их награды, Ивлиеву – орден Красной Звезды под номером 653247.

При том полете летчику и штурману Ивлиеву удалось попасть в опору моста (бык), и два пролета моста упали в реку.

После лечения они снова и снова летали на задания. До конца войны Ивлиев совершил триста восемьдесят шесть боевых вылетов.

Сбить маленький ПО-2 ночью трудно. И все же «хейнкель» выследил их однажды и, обрушив на них всю мощь своих пушек, разнес самолёт в щепки. Пришлось прыгать с парашютом. Благо попали к своим. За разгром военных транспортов в Гданьске (Гдыня) и Штеттине, где им удалось потопить два транспорта, Ивлиев А.Ф. получил две благодарности от Верховного Главнокомандующего. Был представлен к званию Героя Советского Союза. Но награда так и не нашла нашего героя, что лишило его заслуженных льгот как Героя.

Войну Алексей Федорович закончил в Берлине. После войны был переведен на запасной аэродром под Алатырь, откуда вскоре был демобилизован по инвалидности – потере зрения. Зрение Ивлиев «посадил» на войне: при подавлении прожекторов врага, при наступлениях: летчику воспрещалось смотреть вперед – чтобы управляемый им самолет не потерял ориентировку при ослеплении прожекторами, штурман же ведет самолет визуально и должен все видеть, чтобы самолет не сбился с курса. Ивлиев лечился, но зрение восстановилось не полностью. В 1946 году Александр Фёдорович приехал в Партизанск (Сучан) к родителям. Здесь работал на стройке, женился, вырастил детей и восемнадцать лет отработал на шахте №10 «Центральная». В прошлом году оставил своё хобби – резьбу по дереву, которой учил детей в Доме детского творчества и Доме культуры поселка Углекаменск: сдали глаза.

Так воевали наши ветераны войны.

Низкий поклон им.

НЕЗАМЕНИМЫЙ РАБОТНИК

Виктор ВЛАСОВ,
г. Омск

Работает в омской школе № 77 человек неопределённого возраста. Одни учителя дают ему семьдесят лет, другие меньше. Дети и те стремятся угадать: восемьдесят лет ему или больше? Должность у него – работник по зданию, а прежде много лет работал учителем труда у мальчиков. Зовут его – Владимир Семёнович Жуков. Самым первым он приходит в школу, берёт ключ от мастерской.

Начинается рабочий день, учителя идут к Владимиру Семёновичу. Каждую проблему он решает спокойно, без лишних слов. Круглый год педагоги не дают ему покоя. Казалось бы, летом можно отдохнуть, но... начинается ремонт школы. Завхоз, Татьяна Петровна, женщина в годах, звонкая и напористая, а как же иначе можно справиться со сложным школьным хозяйством? Она словно испытывает старого мастера на прочность, находя новое и новое занятие. Сможет ли? Выполнит ли? Сколотить ящик, сделать полку, наточить секатор или косу, починить стулья и столы, и так – изо дня в день. Ничто не вызывает трудностей у Владимира Семёновича. Он берётся за дело в настроении. Поражаешься, сколько энтузиазма и терпения в человеке. В то время как многие молодые преподаватели, в том числе и я, стараются сэкономить силы на работе летом, он отдаётся делу целиком.

Старый мастер всегда готов прийти на помощь. Как-то делаю я разметку на стене с помощью метра и простого карандаша. Грифель тупится, и чертить невозможно. Семёнович зовёт в мастерскую, включает наждак и за несколько секунд затачивает.

– Привет, Семёныч, – приветствуют его учителя.

Он молча кивает, слегка улыбаясь. Разговаривать нет времени, он выполняет новое поручение завхоза по замене разбитых стёкол.

Замена стекла – дело не простое, одному не справиться. Помогаю я и учитель технологии. Помогать ему интересно. В запасе у Владимира Семёновича множество историй про себя и друзей. Анекдотов он знает – не счесть. Видит, что у меня пропадает пыл к работе. Легко поднимает настро-

ение, рассказывая весёлые истории про детей или учителей.

Мужчин в школе работает немного, поэтому тяжёлую работу приходится выполнять довольно часто в период ремонта. Довелось стелить рубероид на крыше. Весной после таяния снега и в дожди она протекает, а средств у школы нет, чтобы вызвать кровельщиков. Затащили на четвёртый этаж тяжёлые рулоны рубероида молодой трудовик, Семёнович и я. Мы с трудовиком возмущаемся, мол, стелим крышу за небольшую премию и вымазались уже, да и не хотим выполнять тяжёлую работу. Семёнович молчит, режет рубероид, пот капает с его густых седых бровей, неподвижно загорелое лицо. Затем вдруг улыбается и смотрит на нас иронично, начинает рассказ про двух лодырей, у которых ничего не получается по причине криворукости. Право, те лодыри – не мы. Я и трудовик стараемся изо всех сил, чтобы завершить работу качественно и в срок.

Не выходит дворник на работу. Завхоз волнуется – на дворе мусор, убрать некому. Семёнович берёт метлу собственного изготовления и – во двор. Что-то напевая под нос, быстро прибирает участок. Не приходит электрик – Семёнович надевает резиновые перчатки и спешит наладить.

В минуты отдыха Владимир Семёнович кипит воду, заваривает густой чай. Угощает бубликами с клубничным вареньем. Вытаскивает старую шахматную доску. Расставляет большие белые фигуры. Сазартом. Он предпочитает играть только белыми.

– Белые начинают и выигрывают, – приговаривает он, улыбаясь. – В профсоюз-то вступили, пацаны?

Об этом Семёнович спрашивает с гордостью, добавляет:

– Я в профсоюзе с шестьдесят второго года. Как из армии пришёл, так прямиком на завод.

– Сорок восемь лет в профсоюзе! – посчитав, восхитился трудовик. – Слышал, больше половины наших учителей в профсоюзе.

Обыгрывает противника-трудолика скоро, меня

Фото Ивана КОНЧАТНОГО, г.Арсеньев

и того быстрее. Пыл мой пропадает, проигрывать я не люблю. Больше наблюдаю за игрой. Владимир Семёнович достаёт газеты из шкафа, показывает партии гроссмейстеров, говорит, что несколько раз побеждал даже мастеров.

Слушая радиоприёмник, он продолжает работать и зовёт нас. Приходит к нему Ольга Васильевна, учитель литературы и русского языка. У неё появилась идея открыть музей, посвящённый событиям последней великой войны и рассказать о ветеранах, проживающих на школьном микроручастке. Владимир Семёнович уходит в отпуск, но идея нравится ему настолько, что он жертвует несколькими днями своего отпуска. За дело он берётся яро.

– Отпуск, – объясняет он, – скучное время.

Помогать превращать кабинет в музей – милое дело, если работаешь с Владимиром Семёновичем. Он умело подбадривает, с ним чувствуешь себя работником полезным и незаменимым. Уходит лень, и наливаются силой мышцы.

В одну из весен Владимир Семёнович выглядит нездорово. Шмыгает носом, задыхается.

– Не заболел? – спрашиваю я, волнуясь за наставника.

– Слабость какая-то, – отмахивается он.

Вскоре он пропадает надолго. Звонит ему завуч, в трубку слышится кашель. Он болеет. Оказыва-

ется, во время отгулов он убирал на крыше снег. Один. Жаловаться не в его правилах, он работал до последнего.

Без Семёновича трудовика «атакуют» учителя и завхоз. Стала работа.

И вот он возвращается, игнорируя несколько больничных дней. Шагает торопливо и размашисто, вид у него озабоченный.

– Сбавляю я обороты, товарищи, – качает он головой, хмурясь. – Угрозило заболеть в юбилей. Семьдесят лет. Не время для хвори!

За работу он берётся с новой силой. За время его отсутствия накапливается её немало, но Владимир Семёнович рад. В труде он видит смысл жизни.

– Семёнович, не мог бы?.. – по очереди учителя обращаются к нему с надеждой.

– Конечно, – оживлённо отвечает он. – Ребята со мной!

И мы идём помогать ему, и чувствуем, что приносим пользу. Живём и живём радостно.

Побольше бы трудолюбивых, как Владимир Семёнович, и работа бы спорилась, и людям трудилось бы охотней.

Жива Россия такими людьми.

МОЙ БОР

Тамара КРЫЛОВА,
г. Конаково

Фото Андрея Фомина

Самое родное, самое близкое место на земле для меня – конаковский сосновый бор. Это моя малая родина, моя колыбель. В 1930 году, после раскулачивания и мытарства по частным квартирам, мама нашла наконец подходящее жилье без хозяев на ул. Свободы, 80, в Конаково (тогда село Кузнецово), и мы осели там надолго. Мама работала на фаянсовой фабрике возчиком, потом на заборке политого товара, бабушка управлялась дома с коровой Цыганкой и со мной. Шел мне в ту пору пятый год. Чтобы выжить и платить за квартиру, держали квартирантов: четырех девчонок из деревни (две Клавдии, Нюра и Дуся Гурылева), которые тоже работали на фабрике. Позже жил с нами еще мамин младший брат Михаил, мой крестный. Все были заняты своими делами с утра и до вечера. Одна я была предоставлена самой себе, свободная, как ветер. Бор рядом. Пробежишь по прогону у нашего дома на Первомайскую улицу (тогда – в один порядок окнами на сосны) – и вот он, добрый, приветливый бор!

С первых же дней я гуляла, играла там одна, жила как в сказке, своей детской жизнью, никого и ничего не боялась. Он был для меня продолжением дома, самой большой, просторной, самой интересной его комнатой, моим личным миром! Видимо, это оттого, что в доме – тоже для меня добром, но слишком людным, – не было моего уголка. А в бору каждый день новые впечатления, новые открытия, встречи: вот белка уронила шишку и глядит на меня весело, с любопытством; ежик не спеша пересек тропинку, дятел долбит старое дерево, кукушка кукует, доносятся птичьи голоса из высоких крон. У ручейка над зеленой осокой порхают нарядные бабочки, стрекозы, деловитые шмели, пчелы перелетают с цветка на цветок – все вокруг живет, ликует, радуется теплу, яркому солнышку! Как же интересен мир! Пропадала я в бору целыми днями одна или с подружками. Бабушка к моим отлучкам относилась спокойно. Ее отец был лесником в Завидовском лесничестве. Она родилась и выросла в лесу, на кордоне, была неграмотной (вместо подписи ставила крестик), но необыкновенно мудрой: лес, природа для нее были открытой книгой. Она помнила все праздники, всех святых, знала приметы и погоду предсказывала, когда и что лучше всего сеять, сажать. Соседи часто обращались к ней за советом. А меня вроде бы никто и не воспитывал – росла как трава в поле.

Гуляя в бору, на ручейке увидела много крошечных лягушат. Они такие симпатичные! И их так много! Наловила их целое детское ведро, принесла домой. Думала бабушку удивить и обрадовать.

– Смотри, бабушка, сколько я лягушат наловила!

А бабушка расстроилась, отругала меня:

– Зачем они тебе? Ведь это – лягушкины дети, их Бог дал! Они же здесь погибнут! Неси их обратно туда, где наловила, там их дом!

И пошла я со своим ведром снова в бор, к ручейку, к той лужице, выпустила улов. Но некоторые лягушата уже не запрыгали, погибли в тесном ведрке. Как же мне было их жалко! Я всхлипывала, пыталась оживить, опуская на ладошке в лужицу, а они не оживали. И чувствовала себя такой виноватой. Это был урок на всю жизнь!

Природу бабушка любила и глубоко, по-крестьянски, чувствовала ее. Присядем где-нибудь на травку отдохнуть, она, поднявшись, поднимет примятую траву руками, перекрестит место, где сидели, и скажет: «Слава Богу, хорошо отдохнули. Пусть травка распрямляется». Помню, пьяный сосед дядя Ваня громко ругается, а она говорит укоризненно: «Поди, рожь цветет, а он, богохульник, лается!» И крестится на икону: «Прости нас грешных, Господи!» Я не понимала связи между цветением ржи и руганью соседа. Но для бабушки это была неоспоримая истина: когда рожь цветет – ругаться нельзя! И только недавно узнала, что предки наши свято верили в Божественную благодать, которая приходит во время цветения ржи, а потому в это время нельзя ругаться, громко кричать, стучать, ссориться. Возле цветущей ржи нельзя курить и трогать колосья руками, а то колос не нальется. В этом благоговейном, почтительном отношении к хлебному колосу выражена неразрывная, глубинная связь человека и природы, вера в том, что надо жить в мире с природой, и она отблагодарит сторицей своими плодами. Вот такая примета!

Я росла – это было начало тридцатых годов прошлого века, – и бор рос, изменялся вместе со мною. Когда я только знакомилась с ним, за ручейком, налево по тропинке (по дороге к роднику), была вырубка – большое, чистое, открытое пространство. На нем кое-где возвышались три или четыре могучие старые сосны (позднее узнала, что они оставлены, как лучшие семенные деревья, для естественного возобновления леса после вырубки). Под моими босыми пятками пружинил зеленый ковер всходов сосны, как густая травка: крохотный стебелек, а на макушке – пучок мягких иголок. Росший среди них вереск казался крупным кустарником. Через год-другой сосенки сровнялись с вереском, а потом быстро обогнали его. И вот уже все открытое пространство заросло густым молодым сосняком. Лесники ухаживали за ним, не раз прореживали, позже рубили жерди, оставляя расти лучшие деревья. Теперь это – участок бора из круп-

ных, одинакового размера сосен-сестер, моих ровесниц. Когда прохожу там, всякий раз на них люблю и здороваюсь с ними.

На ручейке, что впадает в Донховку, бор тоже обновился на моей памяти, в 1943 году. В это военное лето мы с подругами работали в ОСВОДе. Осводовская легкая будочка, где хранился спасательный инвентарь, весла, а мы укрывались от непогоды во время дежурства, находилась на обрывистом мысе при впадении Донховки в Волгу. Это известное в бору место, где в начале двадцатого века была построена знаменитая дача Готье – памятник деревянной архитектуры (сейчас разграбленная и сожженная). Рядом с будочкой, на самом обрыве, росла могучая, в два обхвата, сосна. Спасательные лодки стояли под обрывом, наполовину вытасненные из воды. В тот день (23 сентября) Нина Олехова, моя подруга, сменяла меня на дежурстве в 10 часов вечера. Собирается гроза: бежать мне домой или остаться? Решила все-таки бежать. А сосны от порывов ветра шумят, гнутся! Гром гремит, молнии сверкают, темнота чернильная! Только при вспышке молнии дорогу под ногами на миг увидишь. В низине, на мостике через ручей, то спереди, то сзади меня падают высоченные ели. Сплошной грохот и – темнота! Как меня не убило, не задавило в этой кромешной тьме падающей елью, не представляю. Видно, Ангел-Хранитель был со мной и сберег меня. Назавтра, при дневном свете, увидела эту страсть: вся низина вдоль ручья до самой Донховки была завалена вывернутым с корнями и сломанным лесом. Ни одного уцелевшего дерева не осталось!

Непривычное, открытое до самой Донховки, пространство! Поперек мостика деревья лежат сплошь – не пролезешь. Могучую сосну, что стояла у нашей будочки, сломало как спичку и уложило под обрыв поперек спасательных лодок, превратив их в щепки. А если бы сосна эта задела будочку, где, дрожа от страха, сидела моя подруга Нина?! Сосны в бору сильно не пострадали, они крепче елей держатся за землю, а ураган прошел полосой. Но на этом наша работа в ОСВОДе закончилась. Лодок-то не осталось. А ели по ручейку за 70 лет поднялись почти до прежних размеров.

После окончания школы, в 1944 году, поступила учиться в Тимирязевскую академию, потом работа по распределению в Челябинской области. В редкие приезды домой спешила побывать в Бору, навестить, поздороваться с милыми сердцу местами. Очень скучала и всегда хранила в сердце память о нем. В разных местах приходилось бывать, но нигде не чувствовала себя так хорошо, как в нашем волшебном бору. Вспоминая то далекое время, вижу бор наш чистым, ухоженным, хотя никаких субботников по уборке его тогда не было – просто не мусорили. А печки в домах топили дровами, и древесный мусор охотно подбирался жителями прилегающих улиц. Бабушка любила в свободное время ездить в бор с ручной тележкой «за дровами» (ветками, сучьями, за шишками для самовара). Куча шишек всегда на чердаке лежала, самовар ставили часто. Хозяином в бору был лесник Черноусов. Его все знали, уважали и боялись. Он мог и топор

отобрать, оштрафовать за сваленное дерево, но я таких случаев не помню.

Во время войны, когда фашисты были совсем близко, власти в городе не было, бор был, по существу, «бесхозный», но порядок в нем оставался прежний: срубить живое дерево в бору было нельзя: не положено! И это знали все – от мала до велика. Горожане берегли свой любимый бор, а бор воспитывал в людях любовь и бережное отношение к природе.

Перед войной по воскресеньям в бору устраивались массовые праздничные гулянья, на которые собирались жители всего города. На стадионе разные спортивные соревнования: футбольные встречи, волейбол, городки – есть где показать свою силу и ловкость. На круглой поляне танцы под баян или духовой оркестр, пляски под гармонь с задорными частушками, разные игры, аттракционы – целый день не смолкает веселье. А вечером между двумя соснами вешают экран и показывают кино. До сих пор с ностальгией вспоминаю об этих праздниках-гуляньях. А главное, что эти праздники не наносили ущерба нашему бору: после них не оставалось мусора и разора. Никому не приходило в голову жечь костры, ломать ветки, бросать мусор.

А в обычные дни там просто гуляли: ходили на Волгу или на «ручеек» (так называлось в народе место, где Костихинский ручей впадает в Донховку) купаться, собирали грибы, ягоды. Даже уроки, бывало, учили в бору. В нем дышится легко, а тишина и покой успокаивают нервы, снимают напряжение. Бывало, устанешь в школе или угоришь (в школах тоже было печное отопление) – пройдешь бором до Волги, и всю немощь как рукой снимет. А когда заболит голова, бабушка отправляет в бор – вместо всякого лекарства.

Город рос, развивался. В 1937 году, после введения в строй канала Москва–Волга и заполнения Иваньковского водохранилища, Конаково оказалось на берегу Московского моря. В 1966 году построена Конаковская ГРЭС, новые предприятия, выросли новые жилые кварталы, увеличилось население, многократно возросло количество техники, машин. Конаково стало более комфортным, современным, но экологическая обстановка, увы, ухудшалась. Пересыхали, заиливались родники, воду из Волги, речек и ручьев пить без кипячения уже нельзя, увеличилась загазованность воздуха. Но город еще оставался относительно экологически чистым благодаря Волге и бору – нашим природным генераторам чистого воздуха и воды.

Учитывая огромное положительное влияние уникального соснового бора на экологию города Конаково, почти три десятилетия назад было принято первое решение местных властей об объявлении бора государственным памятником природы. А несколько лет спустя решением уже областных властей бор получил статус особо охраняемой природной территории (ООПТ) – памятника природы регионального значения, и стал официально называться «Лесопарк Конаковский» (но в народе до сих пор он зовется Конаковским бором).

Независимо от официального статуса бора, во все времена главными защитниками и хранителями его были сами местные жители. В каждом поколении кона-

ковцев находились равнодушные, активные люди, которые заботились о боре (тушили пожары, убрали мусор, сажали саженцы, обращались к власти, если бору грозила беда).

Главным ходатаем и защитником бора было Конаковское районное отделение Всероссийского общества охраны природы (ВООП). Одно время его председателем был Владислав Константинович Рогинский – человек, любящий и понимающий природу, истинный художник. Его скульптуры из корней, капов, коряг удивительны, потрясают воображение! Он много сделал для сохранения бора. С ребятами-старшеклассниками занимался посадками сосен, тушил возгорания, перекапывал канавы по периметру от машин, у входа в бор с Первомайской улицы была посажена дубовая роща. Сейчас эти дубки окрепли, поднялись как память о хорошем человеке. Уже в наше время его дети и внуки продолжают его благородное дело – создан Фонд экологического возрождения имени В.К. Рогинского. По инициативе Фонда около 10 лет назад прошел первый праздник Конаковского бора, ставший теперь традиционным. В нем участвуют предприятия и организации, учащиеся, пенсионеры – все равнодушные люди, которым дорог этот чудесный уголок родной природы. Приходят семьями, с детьми. Вместе с местной администрацией убирается и вывозится мусор, устанавливаются контейнеры, скамейки в наиболее посещаемых местах, шлагбаумы от стихийного въезда машин и т.п. А после работы – награждение лучших коллективов подарками и грамотами, бесплатное угощение. Добровольцы трудятся с энтузиазмом, и бор хорошеет, становится праздничным, чистым. Праздник этот не только сплавляет людей, но является школой экологического воспитания. Дети учатся любить родную природу, свою малую родину, постигают радость коллективного труда не за деньги, а по зову сердца, во имя общей идеи. А это сейчас самое важное в нашей жизни!

Но этих мер для спасения бора, увы, теперь очень мало. Слишком велик техногенный напор города, его отрицательное влияние на природу, слишком велик стал поток отдыхающих в бору. К тому же с начала перестройки все, что было достигнуто, построено, создано, уцелело от прошлых исторических времен по всей огромной стране, нашей Родине, России, только уничтожается, распродается направо и налево, выбрасывается на свалку как ненужное старье. И наш город, нашу малую родину, засосало в эту же все разрушающую, ломающую воронку, в черную перестроечную дыру!

Фаянсовый завод, знаменитый на всю страну и за рубежом ЗиК, старейшее, градообразующее предприятие, пуповина города Конаково, с его уникальным, единственным в мире Музеем – «Образцовой» фаянса в год своего 200-летнего юбилея полностью уничтожен, разворован, станки и оборудование пошли в металлолом. Закрываются, как нерентабельные, очаги культуры: библиотеки, Дом книги. Попираются законы, охраняющие природу. Больше не существует, стало ненужным ВООП. Берега Волги, ее запретная водоохранная зона, распроданы и застроены частными кот-

теджами до самого уреза воды, вопреки и в обход существующим законам, природоохранная зона наглухо огорожена трехметровыми заборами. Ухудшается и без того сложная экологическая обстановка. Сколько об этом уже сказано и написано на всех уровнях власти, а ничего так и не меняется.* Повторяется то, что произошло после 1917 года, когда по-дикому, варварски был «весь мир разрушен до основания, а затем...» на этих руинах, ценой огромных усилий, жертв, потерь строился новый мир. Только теперь подъема, возрождения не видно. Храм в городе уже 10 лет «строится» только на словах, в предвыборных обещаниях.

Теперь на очереди наш уникальный заповедный сосновый бор, жемчужина Верхневолжья!

В газете «Конаковская панорама» от 4 февраля 2010 года опубликовано Обращение городских депутатов к губернатору Тверской области. Суть Обращения – передача в муниципальную собственность земель Конаковского бора. Это нужно для того, чтобы поменять статус бора, что вызывает серьезные опасения общественности. В настоящее время его собственником является государство (Гослесфонд), а статус ООПТ – это охранный грамота. Надо ли менять этот статус и отдавать его в распоряжение постоянно меняющейся муниципальной власти? Ведь, зная, что происходит в других регионах, можно представить, что ждет бор в этом случае. Совсем недавно по главному российскому каналу была передача «Специальный корреспондент» с участием Тверского губернатора, где как раз были остро поставлены вопросы земель и лесов.

Неужели для того, чтобы сохранить бор в неприкосновенности, не допустить уничтожения, распродажи, застроек, нужны восстания, демонстрации народа, воззвания и протесты?! Ведь не зря он считается государственным ПАМЯТНИКОМ ПРИРОДЫ! Он не должен лишиться государственной защиты.

Бор важен не только для города и района, но и для всего Верхневолжья, для всей России. Для нашего будущего! Таких первозданных мест в России, особенно в европейской части, остались единицы. Беречь его надо как зеницу ока! Господь дал нам это природное чудо, но чтобы сохранить его, приходится воевать. С кем? Против кого?

Спросите любого человека, любит ли он природу? Уверена на 100%, что ответ будет положительный – все мы любим природу, черпаем силы и здоровье в общении с ней, любим ее красотами. Но эта «любовь» переродилась в потребительскую, варварскую.

Летом в жаркий день все устремляются к воде, под сень деревьев – отдохнуть, набраться сил. В бору в такую пору отдыхающих очень много. Вот на берегу загорают отец и сын лет десяти. Хорошо-то как! Для большего кайфа разожгли костерок прямо на корнях вековой сосны. Эта сосна росла здесь, когда отца с сыном и в помине не было. Она была благодатью на этой земле, щедро дарила красоту, свежесть, защиту всем, кто к ней приходил. Она и сейчас могучая, красивая, живая, хотя земля вокруг вытоптана, корни обнажились. Ей же больно! Она может погибнуть!

Рядом по поляне парни гоняют мяч, а магнитофон у них орет на весь бор. Мальчишки играют в каких-

то телевизионных кумиров – сломанными сосновыми ветками азартно хлещут друг друга, а покалеченная, обломанная сосенка плачет капельками смолы.

Подошел к берегу моторный катерок. Счастливая семья, дети с родителями, откуда-то из-за Волги привезли целую охапку кувшинок. Цветы уже завяли, безжизненно повисли. Да где же они их нашли. Какую укромную тихую заводь опустошили? Ведь этот цветок стал редкостью в наших местах, давно занесен в скорбную Красную книгу. А они поспешили присвоить себе эту редкость, радуются «удаче». Не довезут они до дома свою добычу, не смогут оживить нежные цветы. А прекрасный уголок природы померк, погас и вряд ли когда засияет по-прежнему. Ведь кувшинки размножаются семенами. И таких примеров не счесть.

Хорошо отдыхать на природе – это любят все! А природе, любимому бору, тихой речной заводи каково от такой «любви»?! В бору распуганы птицы, не видно ежей, белок, давно исчезли бабочки, стрекозы; лесная подстилка вытаптывается, уничтожается подрост! Нарушено и постоянно нарушается естественное природное равновесие. И очень часто нарушения эти необратимы.

Конаковский бор растет на благодатном месте. И это чувствуют все, кто бывает в нем с добрым, открытым сердцем. Щедро дарит бор людям свои природные блага, укрепляет здоровье, избавляет от болезней, успокаивает, снимает утомление, стрессы. Это Храм Здоровья! Еще древние люди, заселявшие наш край, знали это. В бору находится одно из городищ, похожее на Топорок. «Оно располагалось на территории города Конаково, недалеко от впадения Донховки в Волгу. Его называли Кузнецовским, и относилось оно к началу новой эры».** Сюда может прийти каждый и ощутить, благодатную ауру, окунуться в неё. Но, приходя, надо помнить, что ты в Храме и вести себя соответственно, уважать порядок, тишину и покой его.

Таким Храмом Здоровья был наш бор в пору моего детства и юности, таким он мне видится в будущем. Что нужно или не нужно делать для того, чтобы сохранить для потомков его уникальную целебную силу?

Не нужно проводить в бору массовых праздников и мероприятий. Здесь не место для кафе, ресторанов, ларьков. Не в бору, а в городе надо построить хороший современный стадион, а ПКЦО на набережной Волги. Ведь там он уже есть, и два массива старых сосен растут. Обустроить его по-современному, сотво-

ритель привлекательным для отдыха и развлечений и сделать украшением города.

А в бору запретить проезд не только машинам, но и прочей быстроходной, опасной, трескучей технике: мотоциклам, квадроциклам, снегоходам и проч.

Надо проложить «тропу здоровья», чтобы подошвами чувствовали землю-матушку при ходьбе или беге, получали от нее заряд бодрости и здоровья. А асфальтовое покрытие дорог и тропинок в бору противопоказано.

На берегу Волги есть освященный родник с чистой живой водой. Он приведен в порядок, сделаны ступеньки к нему. Его знают все конаковцы, многие приходят на родник за водой. Есть и еще в бору родники. Можно и здесь родничок расчистить и сделать удобным для

пользования. Пусть люди пьют живую, вкусную, здоровую воду. И бор будет чище, не будет захламляться бутылками. И конечно же, нельзя в бору разводить костры, ставить палатки, устраивать пикники, мусорить, ломать кусты и деревья, нарушать тишину. И еще нельзя материться, сквернословить: это разрушает ауру, целебную силу бора. А если ты пришел сюда здоровье поправить, то воздержись и от папиросы – пусть твой организм проветрится, освободится от накопленных ядов. Ведь ты же в Храме Здоровья!

У бора нашего есть друзья, защитники – люди неравнодушные к его судьбе. Их много, и не только среди рядовых граждан. На ежегодный весенний праздник бора приходят и трудятся наравне со всеми руководители администрации, многих предприятий, учреждений. Значит, есть во власти здравомыслящие люди, думающие глубже и шире сиюминутных выгод. Их голоса в защиту и сохранение природы нашей от нынешнего бездумного, бездушного уничтожения особенно важны. Еще назрела необходимость возродить в Конаковском районе ВООП. В наш век глобального загрязнения окружающей среды, засилья техники, бездумного уничтожения природы в одиночку, разрозненно с этими бедами не справиться.

Господи, помоги народу нашему справиться с этим вселенским злом! Помоги спасти и сохранить творение Твое для радости и здоровья людей!

* Газета «Заря» от 18.09.2009 г. «Война в Плосках»; от 23.09.2009 г. «Защитим родные берега» и др.

** Газета «Заря», №19-20 «История Конаковского края».

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА

Владимир ЛЮКОВ,
г. Москва

Шло время. Вслед за жарким, засушливым летом наступила слякотная, унылая осень. Небо словно прохудилось. Дождь шёл днём и ночью. Дороги развезло и проехать по ним было невозможно ни на машине, ни на лошади. Даже трактор с большим трудом пробирался по бездорожью. Потом дожди прекратились. Ночи были ясными и холодными. Подмороживало. Днём дул сильный пронизывающий ветер. Первые снежинки, ещё очень редкие и робкие, неспешно опускались, постепенно наращивая темп и незаметно перерастая в метель. Снег падал и падал, насыпая высокие сугробы. Зима полновластной хозяйкой вступала в свои права решительно и бесповоротно. Ребятишки с радостным гомоном высыпали на улицу; весело барахтаясь в сугробах, играли в снежки.

Незаметно подошёл Новый год. Ёлку не ставили, но

детям обязательно делали подарки. Как правило, это были незамысловатые самодельные игрушки. Ещё детям покупали в сельмаге ситро и конфеты «подушечки» в бумажном кулёчке. Конфеты представляли собой единую слипшуюся массу. Как могли, делили это между двумя внуками. Приходилось просто разламывать этот липкий ком пополам, а пропитавшийся сладкий кулёк тщательно вылизывался счастливым, которому он доставался. Взрослые пили самогон, закусывая салом и квашеной капустой. Потом пели песни. Было очень весело.

После Рождества бабушка стала собираться в дорогу. С собой она брала только Вовку, Николай просил привезти его. Она, как сумела, обстригла подростка ножницами «под ноль». Процедура была долгой и мучительной.

Вот наконец наступил день отъезда. Встали рано, ещё затемно. Собирались и завтракали, как всегда, при свете керосинки, так как электричества в селе ещё не было. Прошлым летом провели радио. Теперь на стене висела большая чёрная тарелка, которая никогда не выключалась.

Передачи начинались в шесть утра Гимном Советского Союза и в полночь заканчивались им же. Всякий раз, когда начинал звучать Гимн, Вовка напевал про себя неизвестно откуда взятые им слова: «Союз нерушимый сидит под машиной и лопает кашу за Родину нашу...»

Но вот сборы завершены. Со двора в избу вошёл раскрасневшийся с мороза дед Иван, впуская за собой клубы пара.

– Ну что, готовы, али как?

Было слышно, как во дворе фыркал и позвякивал сбруей запряжённый Мальчик. Дед подхватил приготовленные в дорогу котомки и вышел за дверь. Следом выскочил укутанный так, что открытыми оставались только глаза, Вовка. На ногах у него были новые, сваленные бабушкой валеночки. Наконец все уселись в сани, и дед в сердцах прикрикнул на застоявшегося Мальчика:

– Ну, чё-орт, пошё-ол, мать твою, туды-растуды!

И для пущей убедительности стегнул его кнутом. Мальчик припустил мелкой рысью по хорошо накатанной дороге.

Едва отъехали от дома, начала закручивать позёмка. Потом ветер затих, повалил густой, пушистый снег. Местами дорогу заметало совсем, и её приходилось отыскивать буквально на ощупь. Надо было поспешать. А вскоре закрутило так, что ничего не было видно. Донеслось завывание волка. Вовке сделалось страшно. Но, слава Богу, выехали к постоялому двору.

Внутри было тепло и душно. Посреди избы стоял большой, грубо сколоченный стол, за которым сидело несколько мужиков. Играли в карты и травили байки. На столе стояла наполовину отпитая бутылка с самогомом. Было накурено. На лавках, вдоль стен и на полу спали люди. Когда бабушка раскутала Вовку, кто-то из мужиков забросил его на печку. Там уже лежал древний дед, с длинной белой бородой. Он не спал и всё время дохал.

Вовка примостился с краю и стал с интересом наблюдать за тем, что происходило внизу. Но через мгновение, разомлев от тепла и, он, сморённый усталостью, тихонько засопел.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Григорий РЕЙНГОЛЬД,
г. Иркутск

РАННЯЯ ВЕСНА

Зима закончилась, и наступила весна. Солнышко весной светит гораздо дольше и ярче, стало значительно теплее, снег тает, ручьи бегут, воздух совсем не такой, как зимой, пьянящий воздух... Для влюблённых самое хорошее время. Природа просыпается после зимней спячки, птицы перелётные с юга возвращаются. Весну все любят. Весну принято любить. Попробуй кто сказать, что он весну не любит – сразу в консерваторы попадёт. Скажут, весна ему не нравится!..

А я вот весну не очень люблю, особенно раннюю весну. Весной грязно очень! Всю зиму грязь, мусор и нечистоты копились, видны не были под белым снегом. Многие по наивности и думали, что нет их вовсе, теперь понять не могут, откуда грязи столько? Как почернел снег, начал таять, пройти стало невозможно. Кругом лужи. Молодые шофёры несутся по дорогам, на лужах газуют от души, водой грязной пешеходов обдают с ног до головы: веселись, народ, весна пришла! Потеплело вроде, уже зимнюю одежду на весеннюю поменяли, а тут вдруг опять снег, мороз. Опять по-зимнему одеваться? Засмеют. А зимой хоть и мороз, но постоянный мороз, к нему привыкаешь. А потом опять потеплеет, снег растает – снова грязь. Грязь-то грязь, а ветер холодный. Но с каждым днем

МАЛЕНЬКИЕ ПЕДАГОГИ

Как-то я ехал в автобусе. Народу, как водится, было полно. Жарко, душно, и окна в «мерседесе» не открываются. Впрочем, народ у нас терпеливый, vezut – и на том спасибо... Водитель в кабине не один, к нему на остановке подсел приятель. Вдвоём ехать веселей. Друзья закурили, и дым, понятно, пошёл в пассажирский салон, где и без того душно. Но, подумавшись, большое дело! Народ у нас терпеливый. Друзья весело разговаривают, слова их долетают до пассажиров. Да всё больше матерные слова, как говорится, русский устный. Не очень приятно многим пассажирам их слушать, многие из них с детьми, но не баре, можно и потерпеть. Впрочем, когда кто-то из пассажиров попросил водителя выражаться потише и поосторожнее, то слова эти он получил уже в свой адрес... Я бы об этом и вспоминать сейчас не

всё теплей и теплей. Вот и грязь подсохла. Опять неладно! Подсохнуть-то она подсохла, да ведь её не убрал никто, она в пыль превратилась. Это ещё хуже, малейший ветерок подул – дышать нечем от пыли. Где он, весенний воздух свободы?! Дворники наконец за работу взялись, листву прошлогоднюю и траву жечь начали, настоящего мусора им мало, тут совсем задохнёшься! А солнышко весеннее слепит, того и гляди, сослепу под машину угодишь.

Весной люди глупости совершают, потом никак понять не могут, что с ними произошло, чёрт ли попутал или весеннее солнышко ослепило. Весной работает плохо, хуже, чем зимой. Зимой холодно, порой носа на улицу не высунешь, кроме работы, никаких дел. А весной душой и телом летние радости предвкушаешь, какая тут работа?.. Весной ранней люди и болеют чаще. Организм витаминов требует, а они когда ещё будут...

Но ведь будут всё-таки! Солнышко землю прогреет, травка вырастет, листья на деревьях распустятся, цветы расцветут. Красота! Но это уже не весна, это уже лето будет. Лето и я люблю, больше всего. А пока грязь, холодный ветер, пыль, костры зловонные... На то и весна. Только без неё и лета не будет. Я понимаю это, я против весны ничего не имею, я согласен потерпеть, если надо. Только что-то она затянулась, сколько можно, скорей бы закончилась...

стал, велика важность. Ведь работает человек, нас везёт, что ему и поговорить свободно уже нельзя на своём родном языке?!

А почему я об этом вспомнил? Да вот почему: еду я как-то на том же автобусе, и смотрю, тот же водитель молодой, только в кабине у него теперь не приятель, а маленькая девочка лет пяти-шести. Может, дочка, а может, племянница или младшая сестрёнка. И, знаете, парня этого не узнать. За всю дорогу неблизкую он не закурил ни разу, ни одного худого слова с языка у него не слетело. Он едет, и хорошо так, по-доброму ребёнку что-то рассказывает, а она сидит, слушает и смотрит на него восхищёнными детскими глазами. А он прямо преобразился, лицо совсем другое, ему, видно, и самому приятно такая роль.

Вот ведь как, дети тоже могут нас, взрослых, воспитывать. И пусть делают это почаще!

НАЧАЛО

(рассказ)

Владислав ГУСАРОВ,
г. Владивосток

Настал первый для Виталия и Стаса рабочий день на «Новгороде». Оба они теперь не курсанты, а зачисленные в штат машинной команды кочегары второго класса восьмитысячника-сухогруза. «Новгород» – ветеран торгового флота. Вот уже тридцать лет странствует он по миру, возит грузы, войска, верботу, постепенно стареет, покрывается ржавчиной, редко ремонтируется и, встав к причалу, выпускает на берег людей непростых, к сантиментам не склонных, скорых на дружбу и расправу, при взгляде на береговую суету высокомерно покладистых. С сорок шестого года, после войны с Германией, «Новгород» до конца дней своих прописался во Владивостоке в составе Дальневосточного морского пароходства.

Перед началом рабочего дня, сразу после развод-

сколько лет, если проявлял к специальности интерес, становился машинистом и далее рос по должности, набирался опыта, становился четвертым, третьим, вторым механиком, и уж когда покрывала голову седина, а лицо бороздили морщины, флотский «зубр» становился старшим механиком – «дедом».

С той поры отчаянно помолодели «деды», но и в тридцать пять стармех на флоте по-прежнему с готовностью откликается на обращение «дед». Средние и высшие «мореходки» поставили подготовку специалистов на поток, и уж нет нужды десятилетиями познавать азы.

Модест Павлович Кучерчук, старший механик «Новгорода», был из малого числа оставшихся на флоте «дедов», начавших восхождение по служебной лестнице с самых низов. Потому и не было для него неяс-

п. Ванино. Фотография Ивана Кончатного, г. Арсеньев

ки, которую быстро и по-деловому провел командир машинной группы второй механик, в машинное отделение спустился стармех. Уже свыше ста лет старший механик на флоте – «дед», даже если ему едва за тридцать: осталось с той поры, когда на судно приходил кочегаром крепкий, выносливый парень; через не-

ных вопросов по любой специальности в машинных отделениях на судах с паровыми машинами.

– Чертыковцева мне оставь, – сказал Модест Павлович второму механику, придерживая за рукав Стаса. – У меня для него задание.

– Гордись, худой и длинный, – сказал Стасу второй

механик, – сам Палыч посоветоваться хотят, – он совершил полупоклон в сторону старшего механика, – или – проконсультироваться.

– Проконсультироваться, ага! Идемте со мной. – Он заговорил со Стасом на «вы».

Стармех вышел из токарки, где проходила разводка, Стас за ним.

Оба спустились по трапам в район паровых котлов.

– Вот вы почти инженер, – сказал Чертыковцеву стармех, останавливаясь между котлами. – У меня есть для вас задание. Видите? – Он показал на толстую, короткую трубу. – По этому трубопроводу поступает пар. Обратите внимание на показания приборов: вот 13,5 атмосферы, а через два метра на этой же трубе – 7,5 атмосферы. Ну, не через два – через пять метров! Где теряется шесть атмосфер? Это одна из трудных загадок «Новгорода». Поручаю разрешить ее вам. Приступайте.

Стас задумался.

– Задача сложная, но разрешимая: надо заменить испорченный прибор. Я справлюсь с этим за два рабочих дня.

– Что вы говорите! – поразился «дед». – А мне в голову не приходило! – Он помолчал. – Что ж, молодец. Прибор менять не надо. Хотя ты и справишься с этим быстро: всего за два рабочих дня. – Он перешел на «ты» и весело фыркнул. – Я его специально не меняю, чтобы время от времени таких вот «академиков», – он кивнул в сторону Стаса, – на сообразительность проверять. С тебя на флоте будет толк. Иди к третьему механику, он над кочегарами главный.

Стармех повернулся и, довольный, ушел.

«Непростой «дедуля», – решил Стас и отправился на поиски третьего механика.

В котельном отделении, весь красный от натуги, Виталя Калиновский подпирал ломиком котел. Рядом суетился третий механик:

– Держи, держи! Уже не двигается! Навались! Еще немного! Еще чуть! Во-от так! Вахтенный котельный машинист! Крепи котел!

Среднего роста молодой кочегар схватил кувалду и застучал рядом с котлом.

Разыгрывалась сценка, каких немало было на старом паровом флоте и отказываться от которых не собирались на «Новгороде».

Растерявшийся в непривычной обстановке Виталя Калиновский, подстегиваемый заплоскими криками третьего механика, старался изо всех сил.

– Послушай, третий, – сказал вошедший в кочегарку Стас, окинув взглядом происходящее, – ты здесь шутики шутишь, а там у тебя насос питания котла встал и резервный запустить не могут. Беги давай, и «дед» там, и все там, одного тебя нет. А в котлах воды кот заплакал.

Третий механик побелел и, не разбирая дороги, побежал к котельно-питательному насосу.

Выскочил из-за котла вахтенный кочегар, припустил следом. В машинном отделении взглянул на водомерные стекла: воды в котлах была норма. Он вернулся и негодующе посмотрел на Чертыковцева.

– Не понравилось? – Стас подмигнул. – Вас еще самих пугать да пугать, а вы моего Виталю с панталыку сбиваете.

Появился третий механик и трясущимся пальцем погрозил Стасу.

– Может, еще пошутим? – предложил тот.

Третьему механику было за тридцать, он не первый год работал на «Новгороде», но впервые над ним так дерзко посмеялись. И он сорвался, поднял крик, на что Стас, покопавшись в памяти, изрек:

– «Но осмысленный и мужественный разглагольствует осмотрительно и приметливо, смиренно и тихо». Напрасно ты, третий, зело сердитуешь. Мы с Виталей не один еще раз тебя позабудем.

В машинном отделении, как всегда во время стоянки в порту, работа кипела. Стучали молотки, ворочалась из стороны в сторону главная машина, визжал токарный станок; как муравьи, в разных местах копошились люди. Судно готовилось к очередному рейсу.

– Пойдем, Виталя, подышим на палубе свежим воздухом, – предложил Стас.

Но третий механик их не отпустил, отправил в помощь другим кочегарам вычищать мусор из-под плит машинного отделения.

– Виталий, скажи там, «дед» часы под плиты уронил, пускай поищут! – крикнул Калиновскому, пробегая мимо, машинист.

Когда Виталя отказывался порадеть за начальство? Он наклонился над проемом в плитах и сказал.

– А вот это ты видел? – из-под плит к самому его носу приблизился внушительных размеров измазанный кочегарский кулак.

– Иди лучше отнеси стармеху угольный шлак на анализ!

Виталя шлак «деду» на анализ не понес, добрый Стас объяснил, что это очередная кочегарская «хохма». В течение рабочего дня его еще просили отнести в прачечную мешок пара, но опять выручил Стас, сказал, что «мы с Виталей шибко заняты сейчас, давайте уж сами».

И лишь к концу рабочего дня Виталя развеселился, когда узнал, что впросак может попадать не только он.

Курсанта-судоводителя, тоже устроившегося в штат «Новгорода» матросом на время практики, боцман послал заточить напильником лапы якоря. «Чтобы лучше цеплялись за грунт».

– Не умею, – сказал матрос.

– Что тут уметь, – возразил боцман.

– Покажи, – сказал матрос.

– А вот и покажу.

Кончилось тем, что спустившийся на якорь боцман орудовал напильником, показывая, как надо затачивать лапы, а хитрый курсант выдернул штормтрап наверх и созвал матросов поглядеть на боцманюгу, у которого «поехала крыша».

И все равно к вечерней склянке, возвестившей о конце рабочего дня, Виталя очень устал.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Ко'стылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2011 ГОД

Стоимость полугодового абонемента – 300 рублей, годового – 500. Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора Ко'стылева Владимира Александровича по адресу издания:

**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся НЕ НЕСЕТ.

Наш сайт: www.Litmeridian.ru

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ
АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА,
А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ.**

ВНИМАНИЕ – КОНКУРС!

«Литературный меридиан» объявляет конкурс на лучшую книжную иллюстрацию. Участие в конкурсе могут принять как художники-профессионалы, так и самодеятельные графики. Принимаются работы в любой технике исполнения (карандаш, перо, акварель, сангина, уголь и т.д.). Приглашаются к сотрудничеству художники-шрифтовики. Шрифтовые композиции (заголовки газет, оформление названий книг) так же будут рассмотрены жюри конкурса.

Фото Ольги ПЕТРОВОЙ

Местная православная религиозная организация Прихода Христорожденственского собора г. Хабаровск Хабаровской епархии Русской Православной Церкви

680021, г.Хабаровск,
ул. Ленинградская, 65
тел. +7 (4212) 30-06-71

РЕКВИЗИТЫ ХРАМА:

р/с 40703810308000000064
в ОАО «Далькомбанк»
к/с 30101810600000000718,
БИК 040813718

ИНН/КПП 2724023020/272401001

**ЦЕРКОВЬ МОЛИТСЯ
О СВОИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЯХ**

Фото Геннадия БОГДАНОВА, г. Хабаровск